

A vibrant, cyberpunk-style illustration of a city street at night. The scene is dominated by tall, dark buildings with glowing windows and neon signs. The sky is a deep blue, and the street is illuminated by a mix of warm orange and cool blue lights. In the center of the street, a lone figure in a dark coat and hooded jacket stands with their back to the viewer, looking down a long, perspective-lined street. The overall atmosphere is one of mystery and urban isolation.

К ВОСТОКУ ОТ ПОЛНОЧИ

Александр Сорокин

Александр Иванович Сорокин

К востоку от полночи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70130725

SelfPub; 2023

Аннотация

Литературный сценарий художественного фильма, 2 серии, г. Красноярск, 1991 г. по одноимённой повести писателя-фантаста Олега КОРАБЕЛЬНИКОВА.

Александр Сорокин

К востоку от полночи

– 1 –

Оленев мыл посуду после завтрака на кухне, Марина с расчёской в руке воевала с Леркиными патлами перед трюмо в зале.

– Господи, когда ты сама будешь следить за своей причёской, десять лет тебе, не маленькая. Вот остригу под мальчика, будешь знать!

– Ура, под мальчика! – обрадовалась дочь вместо того, чтобы убоиться, – Мам, когда в парикмахерскую пойдём?

– Ну ничем этого ребёнка не прошибёшь! – Марина бросила расчёску на трюмо, – Беги в школу, а то опоздаешь.

– Милый, застегни мне молнию, – Марина была уже на кухне, поворачиваясь к мужу спиной.

Оленев вытер мокрые руки, застегнул молнию на платье, и жена тотчас убежала.

В раковине завывало, заурчало, захрипело, как будто из неё вытекала вода, раскрученная силами Кориолиса. Юра оглянулся. Раковина была суха. Он заглянул в сливное отверстие. Из него послышалось хихиканье, под раковиной что-то стукнуло. Между ног Оленева прокатился розоватый шарик и

скрылся под столом. Юра посмотрел и под стол – пусто. Оленев взял с подоконника электробритву и пошёл в ванную.

– Господи, ужас тихий! – донеслось до него, – Где моя расчёска? Валерия, ты не брала расчёску? Минуту назад была здесь.

– Да вот же расчёска, перед тобой, – сказала дочь, выходя из детской с ранцем за плечами.

Лера потянулась и подняла с трюмо предмет, на расчёску совсем не похожий.

– Это.. расчёска?! – испуганно прошептала Марина.

– Да, это Расчёска для Арбузов, – на полном серьёзе ответила Лера, подавая матери нечто вогнутое, сферическое, напоминающее стекло от будильника, только непрозрачное.

– Зачем.. мне..это? – пятилась от дочери Марина.

– Затем, что всё равно у тебя голова круглая, как арбуз, и звонкая, – Лера бросила Расчёску для Арбузов на трюмо и выскочила из квартиры: – Чао-какао, родители!

– Ужас тихий.. Юра, я боюсь её, это не мой ребёнок. Что с ней?

– Вроде бы ничего, – пожал плечами Оленев.

– Как «ничего»? – вскипела жена, – По-твоему, это нормально? Ты бы лучше показал её психиатру, реаниматологу несчастный! Ни себе пользы, ни семье!

– Зря ругаешься, вот лежит какая-то расчёска.

Марина ойкнула и присела на пуф.

На месте Расчёски для Арбузов лежал гребень слоновой кости, инкрустированный драгоценными камнями.

– 2 –

Марина осторожно взяла гребень.. и начала расчёсывать волосы, словно гребни слоновой кости всегда были у неё под рукой.

– Милый, ты опоздаешь на работу, – она повернулась к мужу как ни в чём не бывало.

– Неужели началось? – подумал Оленев. Он вставил шнур в розетку и шагнул в ванную, к зеркалу. Поднёс бритву к лицу.. и замер: зеркало не отражало ни его, ни входа в ванную!

Там был виден берег реки. Оленев зажмурился и потряс головой. Зеркало продолжало демонстрировать пейзаж с рекой. Только на берегу появился ещё и мальчик.

Оленев выскочил из ванной и бросился к трюмо. Жены перед ним уже не было, и он встал перед зеркалом. Трюмо тоже не отражало его. Оленев увидел в нём квартиру, какой она была в его детстве двадцать лет назад. В отражении комнаты мелькнула женская фигура в платье покроя пятидесятих годов.

– Мама! – воскликнул Оленев, приникая к зеркалу.

– Чья мама? Какая мама? – Марина появилась из спальни.

Она оттеснила мужа от зеркала, взглянула на своё отраже-

ние, поправила причёску, поджала губы, проверяя чёткость линий наложенной помады. Юра тоже посмотрел в зеркало. Рядом с изящной красивой Мариной стоял наполовину лысый очкарик – Юрий Оленев собственной персоной.

– Не опоздай на работу, кучерявенький мой!– Марина послала воздушный поцелуй зеркалу и выпорхнула из квартиры.

Оленев закрыл за ней дверь, постоял, прижимаясь к дерматиновой обивке, прислушался. Вместо городского уличного шума до слуха доносилось журчание реки и крики птиц.

Он осторожно повернул голову. Прямо перед лицом качалась еловая ветка. Оленев перевёл взгляд вверх. С потолка вершиной вниз свисала новогодняя ёлка, именно новогодняя – с игрушками, гирляндами, серебристым дождём и горящими (вниз пламенем!) свечами.

– Разве Договор вступил в силу? – сказал он сам себе.

– Нет, это всего лишь напоминание, напоминание о нём, – ответила ёлка голосом Философского Камня.

Оленев отвёл ветку руками и вернулся в зал. В зеркале трюмо река играла солнечными бликами, Захрустела береговая шалька под чьими-то ногами. Оленев подался вперёд и заглянул за край зеркала.

По берегу реки навстречу Оленеву шёл мальчик лет тринадцати.

Красивый камешек лежал среди галечника и походил на розовое ядро грецкого ореха. Вернее, он напоминал обнажённый человеческий мозг, но

– 3 –

такое сравнение Юре просто не пришло в голову. Малолетний Оленев опустил камень в карман брюк и поспешил домой.

Дома он долго листал страницы справочника, но так и не определил имя странного минерала. Тогда Юра пододвинул ближе пузырёк с надписью «кислота» и сунул в него пипетку. Крохотная капля жидкости зависла над извилистой поверхностью камня и вывела его из душевного равновесия.

– Издеваешься? – спросил он Юру, излучая сияние.

Вундеркинд отпрянул и пролил серную кислоту на штаны.

– Не трусь – философ дитя не обидит, – ободрил мальчика камень, – А штанам явно пришёл конец.

Ткань на глазах обугливалась и расползалась. Юра скинул штаны и увидел, что бедро покраснело, как лакмусовая бумажка.

– Это открытие, – прошептал он, позабыв о страхе, – Кожный индикатор кислотности!

– Это идиотизм, – фыркнул камень, – Если каждое открытие проверять на своей шкуре, то её надо сначала выдубить. Беги лучше в ванную и смывай водой, а то в ноге будет дыр-

ка.

Когда Юра вернулся, оставляя на полу влажные следы, камень по-прежнему лежал на столе, но сияния над ним не было. Мучимый любопытством, Юра слегка постучал согнутым пальцем по камешку и очень вежливо спросил:

– Скажите, пожалуйста, кто вы такой?

А так как ему не ответили, мальчик занёс над камнем пипетку с кислотой и повторил настойчивей:

– Будьте любезны, назовите своё имя!

Очередное открытие Юра испытал на собственном лбу: камень трансмутировался в Пинательную форму и послал импульс такой силы, что Юра и пипетка разлетелись по разным углам.

– А ещё философ, – упрекнул мальчик из угла, потирая лоб.

– Дурные склонности следует вышибать сызмала. И вообще – не пора ли пить чай? Всё уж пересохло внутри.

Камень быстренько превратил микроскоп, чучело кукушки прожжённые кислотой штаны в чайник, электроплитку и воду.

– Эй, так нечестно! – запротестовал юный Оленев, – Верни всё назад!

– Ерунда, – сказал камень и превратил будильник в чайную чашку, что сразу же наполнилась дымящимся чаем, –

обычная перестановка молекул. Была гляделка, стал чайник, не всё ли равно? Масса прежняя, количество молекул осталось то же самое. Если не веришь – можешь пересчитать. Я ничего не украл.

– Кто бы ты ни был, – сказал Юра сквозь слёзы, – верни микроскоп и убирайся, пока цел. Не боюсь я твоих пинков.

– 4 -

– И сдалась тебе эта гляделка, – сопел камень от удовольствия, вися над пустеющей чашкой, – Пошлая штука для подсматривания чужой жизни, а какой великолепный чайник получился! И перестань ныть, а то трансмутирую тебя в Вешалку для Сапог или Термос для Скрипки. Ты музыку, кстати, любишь?

Юра забился подальше в угол и заплакал.

Чай в чашке постепенно исчез, и довольный камень опустился на столешницу.

– Ладно, дитя, – сказал он благодушно, – вытри слёзы и внимай. Знаешь ли ты, что я есть Ван Чхидра Асим, Безграничная Лесная Дыра?

– Ванчхи.., – попытался повторить Юра и хмыкнул, – Ван Ю Ша – это я знаю.

– ..я есть та самая Панацея Жизни, что довела до смерти Роджера Бэкона! – торжественно продолжал камень, – Зна-

ешь ли ты, что я возлежал на столе у Парацельса и любил перекинуться словечком с Кюри?

– Не-а, не знал.

– Не перебивай! Моё молчание – всего лишь риторическая пауза, – Знаешь ли ты, что я есть тот самый Философский Камень, что запросто превращает всё во всё? Мне ничего не стоит превратить всю эту дрянь на столе в груды чистого золота! Ну как?

Умудрённый опытом, Юра промолчал.

– Что же ты не отвечаешь, юное дарование?

– Слушаю риторическую паузу, – огрызнулся мальчик.

– Это уже не пауза, это вопрос, Отвечай!

– Зачем мне золото?

– Хм.. Действительно, зачем людям золото? Но все сходят от него с ума! Тебе что – в самом деле не нужно золото? Золото, золотце, золотишко. Сокровище!! Все хотят, все любят. Ведь хочешь, а?

– Хочу. Только немного.

– Зуб вставить?

– Зубы у меня здоровые. Но я никогда не видел, как растворяется золото в «царской водке», а мне очень интересно.

– Что? Тебе нужно золото только для опыта? Любопытства ради?! Готовь адскую смесь, я дам тебе золота!

Юра побежал к столу, заставленному колбами, штативами пробирками и ретортами, слил в одну колбу соляную и

азотную кислоты, осторожно побулькала и с горящими глазами протянул сосуд:

– Готово, запускай!

Чайник развернулся к колбе, кончик носика начал оплавляться, вытягиваясь в крупную продолговатую каплю, и в колбу с широким горлышком тяжело булькнула золотая монета с чьей-то бородатой физиономией на реверсе. Тут же её поверхность покрылась прозрачными пузырьками, отрывающимися от

– 5 -

самоуверенного профиля позабытого монарха и стремительно летящими вверх по волнистой траектории. Коричневый газ заструился в колбе и ленивыми, тяжёлыми волнами поплыл из горлышка, подобно джинну из бутылки. Оленев зачарованно смотрел на монету. Она истончалась, лицо короля превращалось в газ и бурый осадок на дне колбы.

– Это классно! – восхитился Юра.

– Это великолепно! – вскричал Философский Камень, – Мальчишка нисколько не удивляется превращению чайника в золото, но радуется глупейшей химической реакции! Ты – тот человек, которого я ищу тысячи лет! Ты мне нужен!

– Почему именно я?

– Все остальные не оправдывали надежд. Они жаждали золота или власти. Я теперь понимаю, чего ты хочешь и могу исполнить твои сокровенные желания. Ну, говори!

– Новые брюки.

– Глупышка, – вздохнул Философ, и в руках мальчика появились новенькие джинсы с заклёпками и наклейками.

– Зачем мне такие? Жёсткие, неудобные.. Верни мои, обычные.

– Ах, да! Рабочая одежда американских золотоискателей и ковбоев ещё не вошла в моду. Держи!

И Юра с радостью натянул старые добрые брюки, по моде зауженные книзу, и без дырки от кислоты.

– Ну, а теперь к делу. Я вижу, ты хочешь безграничного знания? Это мне подходит, – торжественно изрёк Философский Камень.

– Просто мне всё интересно, хочется всё на свете знать. Иностранные языки, тайны и загадки природы..

– Ты получишь это. Твоя память станет безграничной, возможности ума беспредельны. Только одно условие: тебе нельзя открывать свои знания людям. Каково второе желание?

– У меня недавно умерла мама, и мне больно здесь, – Юра положил руку на сердце, – И ещё.. У нас в классе есть девочка, и мне так же больно, когда она не смотрит на меня. Всё валится из рук, на душе муторно. Это, наверное, болезнь, да?

– Болезнь, болезнь, да ещё какая! Но я избавлю тебя от этого. Чувства затмевают мысли, это вредно для твоей миссии. Ты обретёшь невозмутимость и душевное равновесие. Ну, и последнее желание. Как принято, их всего три, так что

не загадывай глупости. Это последнее, что я выполню.

– Верни маму! – не задумываясь, выпалил Юра.

– Ну вот, – потускнел Философ, именно этого я и не могу сделать: есть силы выше меня... Давай пожелание, что я могу выполнить.

– Лекарство! Лекарство от всех болезней, чтобы люди не умирали!

– 6 -

– Эх, опять куда загнул! Те, кто веками искали меня, Философский Камень, искали и моего брата по имени Териак – Абсолютное лекарство. Сам бы хотел знать, где он скрывается. Но если я найду то, что ищу, то рядом отыщется и мой брат Териак! Так что наши желания совпадают, и если ты выполнишь Договор, я помогу тебе.

– Какой договор?

– Ты должен подписать Договор о том, что если я не найду через двадцать лет то, что ищу, то ты и вся твоя семья начнёте искать ЭТО.

– И что же я должен искать?

– Если бы я знал! Но рядом с тобой находится то, что я ищу вот уже тысячи лет. Быть может, ЭТО находится в тебе самом, я чувствую. Именно ты должен искать, если не найду я.

– Но как хоть ЭТО выглядит?

– Не знаю, хоть убей – не знаю. Но там, на реке, возле тебя, я ощутил флюиды своей будущей находки.

– А что будет со мной за эти двадцать лет?

– Ты обретёшь знания всего мира, спокойствие и мудрость. У тебя будет красивая жена и удивительный ребёнок. Главным делом для тебя станет медицина, реаниматология.

– Но я хочу быть химиком! Или геологом. Но уж никак не врачом.

– Так надо мне. Так запрограммировано. А геологом в одном из кругов жизни станет твоя дочь. Ей суждено много раз начинать жизнь сначала.

– Какая ещё дочь, – покраснел Юра, – И почему не сын?

– Она любого пацана за пояс заткнёт. Впрочем, хватит болтать. Если ты раздумал, я поищу другого.

– Нет-нет, я согласен! Я действительно хочу знать всё, хочу, чтобы мне никогда не было больно, чтобы ты нашёл лекарство и.. не забудь про маму.

– Лекарство мы найдём вместе. Маму ты будешь видеть в зеркале через двадцать лет, если вступит в силу наш Договор. Вот он

На столе среди чайных принадлежностей и приборов появился лист пергамента, гусиное перо и ножичек старинной работы.

– А.. нож зачем?

– Так полагается. Наши договоры подписываются только

кровью. Ты испугался?

– Нет, что вы! И Юра полоснул лезвием по запястью.

На пергаменте он вывел роспись полным именем: Юрий Петрович Оленев. Пергамент тотчас свернулся в трубочку и исчез. Ослепительно сверкнул, словно взорвался, и пропал

Философский Камень. Только, вроде как, ветерком дунуло, да в комнате на мгновение стало темнее.

– 7 -

Взрослый Оленев поднял взгляд и увидел своё отражение в трюмо. Он погладил стекло – ничего необычного, странного. Даже лёгкий след накопившейся за день пыли остался на пальцах. Юрий Петрович сдвинул манжет рукава – на запястье выделялся старый короткий шрам.

Он прошёл по комнате и остановился возле книжной полки времён детства, что висела в дальнем углу за новой мебельной стенкой. Здесь покоились книги отца и те, что читал он в то давнее, ожившее сейчас в воспоминаниях, время.

Тринадцатилетний Оленев прошёлся по комнате, взял книги со стола, поставил на полку, погладил переплёты и снова вынул одну из них. Это был учебник японского языка.

– А что, если проверить – не обманул ли камень Вань Ю Ша, Ванюшка?

Он открыл учебник.. и начал читать, свободно читать по-

японски! Мальчик листал станицу за страницей, и его голос бойко звучал непривычно певучей речью.

Юра закрыл книгу, церемонно поклонился, обращаясь к ней со словами благодарности на родном ей языке, и поставил на полку. Далее он высмотрел толстый том «Органической химии» и погрузился в мир строения материи так же свободно, как будто читал увлекательный роман. Захлопнув книгу, мальчик продолжил лекцию и закончил вслух до логического конца самостоятельно, не заглядывая в текст.

На улице зажглись фонари, всё глуше раздавались автомобильные гудки.

Лёжа в кровати, Юра закрыл другую книгу, на обложке которой было лишь одно слово: «Минералогия». Он отвернулся к стене и про себя повторил: «В эволюции цвета хризоколла возникает как один из самых чистых лучей голубого цвета. Хризоколла – дальнейшее развитие туркузита, проявляющего тёмно-голубой цвет.. он чист, прозрачен или полупрозрачен и сравним по качеству с аквамаринем, топазом или кунцитом...»

Мальчик засыпал, а в наступавшей ночи, в чёрных глубинах Вселенной, зажигались крохотные огоньки звёзд, пространство наполняли голоса на разных языках мира. Но вот из хаоса звуков стал выделяться голос, говорящий по-русски, а из провала Космоса приблизилась яркая звезда, пре-

вратилась в жёлтый мерцающий круг. Этот круг обрёл резкие очертания и превратился в.. золотую медаль об окончании средней школы. И голос стал звучать не так звонко, более по-земному, по-советски торжественно и пафосно: «..и районного отдела народного образования, от имени районного комитета КПСС и, конечно же, от лица всего педагогического коллектива нашей школы поздравляю и торжественно вручаю эту заслуженную упорным, усидчивым учебным трудом золотую медаль гордости нашей

– 8 –

школы, выпускнику десятого «а» класса Юрию Петровичу Оленеву!».

Клацнул тумблер магнитофона, из стального колокола динамика на рукоплещущих учеников, родителей и учителей обрушился громовой силы туш, на сцену школьного зала поднялся Юрий Петрович Оленев, а директор школы вручил выпускнику «заслуженную упорным и усидчивым трудом» золотую медаль.

– И, наконец, напряжённый пневмоторакс, то есть разрыв лёгкого с обширным повреждением бронхов и трахеи. Разрыв аорты или её крупной ветви – чаще всего как результат удара грудной клетки о рулевую колонку при резком торможении автомобиля..

Несколько повзрослевший Оленев с начатками залысин сдаёт экзамен по хирургии преподавателю Титову. Юноша отвечает прекрасно, однако Титов скользит взглядом по сторонам, клюёт носом и мало обращает внимания на студента.

– .. окончатый перелом рёбер или перелом рёбер и грудины, разрыв диафрагмы. Для подтверждения диагноза необходима обзорная рентгенография грудной клетки.. У меня всё, – докладывает Юра.

Титов вяло протягивает руку за зачёткой, Оленев уверенно подаёт её, но, пока препод пишет, лицо отличника вытягивается: в зачётке стоит «тройак»!

– За что? – классически вопрошает обескураженный Оленев, – Я же всё ответил.

– Молодой человек, зевает Титов, – я сам знаю хирургию на «четвёрку», а уж студенту больше и не полагается. И вообще – читайте побольше.. особенно свежие монографии.

– Я читаю, – Юра вынимает из сумки и кладёт, подобно козырной карте, новёхонькую монографию на немецком языке. Титов мельком смотрит на обложку.

– Эта книга успела устареть. Учите японский. Есть интересные материалы в специальной периодике.

– Я его ещё в детстве выучил, – второй козырь в виде журнала на японском языке появляется перед экзаменатором, – Эти статьи тоже успевают устареть.

Титов брезгливо морщится:

– Пригласите следующего студента.

Мрачного Оленева встречает вся группа – он сдавал пер-
вым.

– Ну, как? Что попало? Дерёт, да?

Кто-то заглядывает в зачётку, и под своды альма-матер
возносится сдавленный вопль отчаяния:

– Ой, мамочки – трояк! Оленеву – трояк!! Что?! Юрке –
и три балла?!

– Нет, я умру, но не пойду к этому зверю!

– 9 -

Толпа растекается – кто умирать, кто переживать, кто
лихорадочно выскребать крупички знаний из конспектов на
подоконниках перед заходом на заклятие Титову.

С похоронным видом Оленев бредёт по институту, пока
не наталкивается на заведующего кафедрой хирургии, вы-
шедшего из двери кабинета с аналогичным названием.

– Здравствуйте, Оленев! Почему такой скучный?

Юра молча показывает зачётку.

– Три балла? – удивляется заведующий, – Не верю! Ах,
да – Титов.. Ну, брат, не удивляйтесь – это не просто препода-
ватель, а практикующий хирург. У него вся хирургия каж-
дый день на кончиках пальцев. М-да. Вот что – приходите
завтра в мой кабинет часам.. к пяти, пересдадите мне. Дого-

ворились?

На институтских часах была половина шестого, когда из дверей облегчённой походкой вышел Оленев. В левой руке, в зачётке, досыхала запись о пяти баллах за передачу, правой он прижимал к груди два солидных фолианта.

На остановке его внимание привлекла красивая девушка, к которой он пристроился, удивляясь собственной смелости. Они вместе протиснулись в троллейбус и поехали, плотно прижатые друг к другу. Юрины книги находились прямо перед глазами девушки, и она волей-неволей смотрела на заголовок. Смотрела и хмурилась: прочитать его не удавалось. Она переводила взгляд с книги на Юру, затем любопытство пересилило стереотипы правил приличия, и она спросила:

– Это что за книга?

– Махабхарата.

По всему было видно, что девушке это ничего не навяло в памяти.

– На каком языке напечатано?

– На хинди.

– И ты это читаешь?

– Да, читаю.

– Ужас тихий!

Вместе они вывалились из лопнувшего дверьми чрева

троллейбуса на остановке, вместе и пошли, оживлённо болтая.

– Ты где учишься – на инъязе?

– Нет, в медицинском.

– В медицинском?! Зачем тогда тебе эта мура?

– Просто интересно. А вы где учитесь?

– А.. в финансовом техникуме. Ну, я пришла.

– 10 -

– И я пришёл. Вы в этом доме живёте?

– Да, на пятом этаже.

– А я – напротив. Вон балкон на третьем этаже справа.

– Ужас. Интересно как!

– Может, пойдём сегодня в кино?

– Пойдём. Как тебя зовут?

– Юра.

– Марина. В восемь у подъезда, ладно?

Шестого ноября была свадьба. Небольшой, но весёлый круг однокурсников с той и другой стороны дружно гаркнули «Горько!!» – и понеслось веселье с танцами и тостами за здоровье молодых и их родителей.

Молодые чинно восседали во главе стола, как и положено, родители Марины и отец Юры притулились во время танцев в дальнем уголке на стульях. Юра, слегка побледневший,

чувствовал себя скованно в роли молодого супруга, Марина наоборот – раскраснелась, расцвела – новая роль ей очень нравилась. Расцеловавшись с очередной подружкой, подошедшей поздравить новобрачных, Марина дёрнула Юру за рукав:

– Любимый, тут, кажется, уже и без нас обойдутся. Не пора ли нам?

– Куда, солнышко?

– Куда-куда.. Домой.. В своё гнёздышко.

– А... как же гости.., родители. Неудобно.

– Неудобно на потолке спать. А у нас там диван широченный. Ну?

Юра колебался, не зная, что делать. Но Марина уже полностью взяла бразды семейного правления в свои нежные ручки.

– Ты муж мне или всё ещё жених?

– М-муж.

– Ну так в чём дело? Короче – я пошла, будто бы в туалет. А ты подойди к предкам и скажи, мол, я жутко устала, голова болит, в общем, отдыхать пора. Ключи с собой?

– Да..

– Тогда вперёд!

Сама первой встала и потянула юного супруга за собой.

Юра присел возле родителей, сложил ладошки вместе – извинился и попросился. Мама Марины приложила платочек к глазам, папа поправил усы и шмыгнул носом, а Пётр

Васильевич встал было, чтобы проводить сына, но его остановили жёстами и сын, и тесть.

Утром Юра проснулся первым. Молодая жена спала, повернувшись к мужу спиной. Обнажённое плечико выглядывало из-под одеяла. Юра хотел было поцеловать его, но постеснялся, потихоньку выбрался из постели, включил телевизор и снова забрался под одеяло. Юноша поцеловал-таки плечико

– 11 -

супруги, и телевизор одобрительно закричал хором «ура!». Марина с готовностью повернулась к мужу.

– Я люблю тебя, Мариночка! – прошептал он.

Марина потянулась, вздохнула и сморщила носик.

– Тебе плохо, солнышко? Я сделал тебе больно? Прости, любимая. Спи, отдохай, – и стал осторожно отодвигаться.

– Ты куда? – Марина широко открыла глаза и схватила мужа за руку.

– Я подумал..

– Ещё чего – думать в постели с молодой женой. Твой папа дома?

– Он у твоих ночует, как договаривались.

Последнее слово Юра договаривал уже на лету – Марина рывком поднялась, обняла мужа и увлекла назад. Одеяло

полетело к окну.

На голубом экране серый Леонид Ильич в шляпе одобрительно кивал и приветственно шевелил приподнятой ладошкой.

Серые демонстранты от души орали «ура», радостно взирая с экрана на красивую супружескую пару, и выше поднимали транспарант с надписью: «Тебе, Родина, наш труд и вдохновение!». Ура! Марина тоже не выдержала и поддержала всеобщий восторг:

– А-а-а! А-а-ай!

За окном первый снег неторопливо, но уверенно гримировал серость осенних улиц.

А когда аллеи больничного парка усыпал бело-розовый цвет опавших лепестков яблонь, молодой специалист Юрий Петрович Оленев с бумажкой в руке искал нужную дверь в коридоре одного из корпусов городской клинической больницы. Первым встречным оказался молодой врач, Юра остановил его.

– Здравствуйте. Вы, кажется, в прошлом году наш институт закончили?

– Точно. То-то, я смотрю, мало-мальски знакомая личность по коридору стесняется. И куда направление?

– Реанимационное отделение.

– Ба! Нашего полку прибыло. Володя, – он протянул руку.

– Я помню. Володя Веселов. А я Оленев Юра.

– Откуда, старик? А я, вот, почти не помню тебя, извини, хотя год разницы всего.

– Да я так, как-то..

Они вошли в кабинет заведующего отделением.

– Можно? Матвей Степанович, к нам молодой специалист. Наш институт закончил.

– 12 -

– Приветствую, приветствую. Очень хорошо. Грачёв. Это Мария Николаевна, – он показал на женщину неопределённого возраста, сохранившую, однако, следы былой красоты, – Мой заместитель.

Грачёв поднялся и направился к выходу.

– Оформлением займётесь с Марией Николаевной. Я побежал к главному. Нам опять аппаратуру зарезали по смете.

– Подождите немного, сказала Мария Николаевна, продолжая писать, – Минут через пять я освобожусь и мы поговорим.

– Пошли пока на балкон, – Веселов потянул Юру за рукав.

Они устроились в углу балкона в тени.

– Ну, с шефом ты малость познакомился, – показал Володя на летящего по двору к главному корпусу Грачёва, –

Нячаться он с тобой не будет: умеешь работать – будешь нашим, не умеешь – гуд бай, Америка. Кстати, он кандидат наук, не чужд новых веяний в науке и сам в неё кое-что вкладывает. Питает слабость к восточной и тибетской медицине.. Смотри-смотри – главная достопримечательность клиники. Хирург-кроликовод широкого профиля! Всю траву в больнице скашивает и кроликов откармливает.

– Да это же Титов, – ахнул Юра, – Это он мне на экзамене единственный трояк в жизни вкатил. Ох, и зверь!

– Он и с коллегами такой же. Но хирург классный, божией милостью.

Хирург Титов, грузный мужчина в тренировочных штанах с пузырями на коленях, вышел из глубины парка. В одной руке он держал косу, второй волок по земле мешок, набитый свежескошенной травой. Веселов снова дёрнул Юру за рукав:

– Пойдём, Машка приглашает, рукой машет.

Падали с деревьев перезревшие плоды полукультурок в больничном парке.

Грузовики на телеэкранах везли кумачовые транспаранты с надписями «Хлеб – Родине!», а бойкие репортёры с хреновинами микрофонов в руках наговаривали сводки очередной битвы с урожаем.

Юра Оленев тупо внимал стараниям журналистов убедить его в важности происходящего, меряя шагами закуток холла

в родильном отделении.

В родовой палате на столе стонала и потела некогда прекрасная Марина. Врач-акушер призывала роженицу потужиться ещё, ещё сильнее.. Всё хорошо, всё пока идет прекрасно, молодец.. Ну, отдохни секундочку..

Две женщины с большими животами сидели на продавленном диване и с интересом наблюдали, как молодой врач расхаживал по холлу, аж подол халата заворачивался.

– Вроде бы, врач, – шептала одна другой, – а мечется как простой мужик.

– Жена рожает, не иначе. Им-то что – всегда в белом халате. Раз – и пришёл. Не то, что нашим..

– 13 -

– Ага! Вот только наших охламонов здесь и не хватало!

Марина рожала, Мария Николаевна обезболивала роды, время от времени прикладывая маску к лицу женщины.

Юра выскакивал из холла в коридор на любые звуки шагов. Проходили здесь многие. Бегом семенили симпатичные, улыбающиеся Оленеву сестрички, здоровались врачи, едва кивнул слоноподобный Титов. Переваливаясь с ноги на ногу, держась за стенки, ползали по своим делам роженицы.

– Тужься ещё, ещё.. Мариночка, совсем немножко оста-

лось, детка. Молодец. Отсасывайте, отсасывайте! – уже командовала коллегам врач.

Стон, глухой шлепок, словно кусок мяса плюхнули на стол.. и слабый детский писк.

– Девочку родили! – сестра с улыбкой приняла от врача красный, шевелящийся комочек, весь в белой пене.

– Бракодел.. лысый, – Марина сдувала с верхней губы капельки пота, не открывая глаз. И тут же повернулась на детский крик:

– Эй, что там такое? Где моя доченька, покажите скорее солнышко моё!

Когда на экране телевизора был забит очередной костыль в железнодорожную магистраль века, в коридоре показалась Мария Николаевна.

– Поздравляю вас, Юра, с дочкой. Три семьсот, крепышка.

– Спасибо.

– Вы что – не рады? Мальчика хотели?

– Да нет, в принципе, мне всё равно.

– Нет, вы посмотрите, что за равнодушный молодой человек!

– Я не равнодушный, я уравновешенный, Мария Николаевна.

Работал Титов неторопливо, занудливо, заставлял ассистентов потеть, молча злиться и переминаясь с ноги на но-

гу. Сегодня Титов оперировал как-то особенно вяло, обильно потел, и сестра постоянно промокала ему лоб салфеткой.

– Отойди! Держи.. Ровнее держи, иссекаю, мать вашу! Суши. Еще суши. Суши лучше! – и пока ассистент промокал операционную рану, быстро и ловко перехватывая подаваемые тампоны, сердитый Титов швырнул окровавленный скальпель на столик посмотрел по сторонам, заметил Оленева, сидящего у своей аппаратуры и сказал почти пренебрежительно, лениво растягивая слова:

– Э-э, как вас там.. позовите кого-нибудь из врачей-анестезиологов. Наркоз ни к чёрту.

– 14 -

-Анестезиолог я. Наркоз глубокий, параметры стабильные. Продолжайте, пожалуйста, – так же без эмоций, но подчёркнуто вежливо ответил Юра

Пустыми рыбьими глазами Титов смотрел на непокорного мальчишку, но, убедившись, что всё в порядке, продолжал работу.

Летним днём Оленев с пятилетней дочерью шёл по солнечному бульвару, и Лерочка на ходу сочиняла очередную сказку:

– Жил да был на свете человек по имени Оленев. Внизу у него росли ноги, а наверху голова. Как у всех людей, там вили

гнезда малиновки. Поэтому Оленев осторожно обращался с головой и спал стоя, чтобы не раздавить маленьких птенчиков. А Падший Ангел никогда не был Ангелом. По характеру. Но по внешности – хоть куда. Только намного лучше. И Печальный Мышонок ничего общего с мышами не имел. Это его так звали иногда. А имя у него такое – Великая Лесная Дыра, а прозвище у него – Ванюшка.

Оленев остановился, поражённый.

– Валерия! Вот такой сказки я от тебя ещё ни разу не слышал. Я тоже считался вундеркиндом, но не до такой степени! Я понимаю: Оленев – это я. Падший Ангел – ты. Кто такой Печальный Мышонок – я догадываюсь. Но откуда ты можешь знать про всё остальное?!

– Ангелы знают всё, – загадочно ответила дочь, – даже если они – Падшие.

Но Оленев уже не слушал Леру. Он увидел Титова. Тот сидел на скамейке, развалясь и выпятив живот, а к его руке были привязаны поводки. Сдерживаемые ошейниками с медными бляхами, на газоне паслись кролики.

Лерочка, завидев пушистых зверушек, забыла про свою загадочность и многозначительность сказки, и как обычный ребёнок бросилась к ним:

– Ой, какие красивые! А можно их погладить? А они не кусаются?

Титов не отозвался ни одним движением. Оленев оставил

дочь на газоне и с независимым видом уселся рядом с хирургом.

– Пересядьте, пожалуйста. Место занято.

– Кем, астральным телом?

– А-а, это вы, коллега, – Титов приоткрыл один глаз.

– Как поживают ваши кролики?

– Неплохо. А как вы?

– Гораздо лучше. Меня не держат на поводке.

– Это вам только кажется. Вы на поводке у жены, у дочери, у работы..

– Вы их сами едите, или продаёте? – нескромно перебил Оленев.

– Это не мясо. Это разумные существа. Как и мы с вами.

– Ой, ли? Слишком уж мы далеки друг от друга на древе жизни.

– Вы полагаете? – Титов зевнул, – Чем же кролики отличаются от человека? И они едят, пьют, размножаются.

– 15 -

– Ну, вы скажете. Человек мыслит! Я вот, разговариваю с вами на отвлечённые темы...

– М-да, невелика честь говорить с вами, ну да ладно: пора с вас и спесь сбить. Манечка, детка, иди сюда.

Толстая белая крольчиха приподняла голову от газона и уставилась на Титова.

– Ну иди, иди, моя хорошая, – ласково уговаривал хирург, – Не стесняйся, здесь все свои.

Тяжёлыми полупрыжками крольчиха подкатилась к скамейке и уткнулась носом в ботинок хозяина.

– Скажи, детка, как тебя зовут?

Крольчиха поднялась на задние лапы, засучила передними по брюкам Титова и внятно проговорила:

– Манечка, ты же знаешь.

– А меня зовут Юрий Петрович Оленев, – Юра наклонился в её сторону и заговорил, нисколько не удивляясь, – Как вам нравится погода?

– Чудесный день, вы не находите? – поддержала Манечка беседу.

– Он находит, – перебил Титов, – Оставим светские разговоры. Скажи, детка, ты разумна?

– Конечно! – воскликнула крольчиха, – Я мыслю, значит, я существую, утверждал Декарт.

Если бы я не мыслила, то и не существовала бы.

– Логическая ошибка! – возразил Оленев, – Камень не мыслит, но существует вполне реально.

– Здесь я не могу с вами согласиться, – назидательно откликнулась Манечка, – Камень тоже не лишён э-э.. своеобразного мышления.

Мягко опустившись на все четыре лапы, крольчиха с достоинством отвернулась и продолжила щипать травку.

– Это вам ничего не напоминает? – улыбнулся Титов.

- Только искусство чревовещания. У вас редкое хобби.
- Жаль. В тринадцать лет вы были намного смышлённее.
- В детстве я вас не встречал, у меня отличная память.
- Разумеется, хирурга Титова вы не знали.

Лениво пошарив в кармане, он достал что-то в горсти.

Пальцы Титова разжались.. и растаяли. Растаял и он сам. В воздухе неподвижно висел розоватый камешек, напоминающий обнажённый человеческий мозг в миниатюре!

В трёх метрах от скамейки Лера возилась с кроликами, шли мимо редкие прохожие, но никто из них ничего не замечал. Оленев облизнул пересохшие вмиг губы и овладел собой, припомнив то, что произошло с ним в детстве.

– Всё ясно. Вы и есть тот самый Философский Камень, Панацея Жизни, Ван..

– 16 -

Ван..

– Ван Чхидра Асим, – подсказал невидимый Титов, – Хинди ещё не забыл, Юрик?

– Я ничего не забыл, Ва-ню-ша, – попытался шутить Оленев, – Безграничная Лесная Дыра, – он мельком глянул в сторону дочери, – Что.. наш Договор.. он ещё в силе?

– Несомненно, – повернувшись назад Оленеву отвечал вновь восседающий на скамье грузный Титов, – Если я не

найду через пять лет, то будешь искать ты. Я убедился, что именно ты способен найти ЭТО. От тебя исходит волнующий аромат открытия.

– И Договор нельзя расторгнуть? – осторожно спросил Юра.

– Он подписан твоей кровью. К тому же, ты получил неплохой задаток.

– Тогда я был мальчишкой и не мог задумываться серьёзно. И я не представляю себя, свою дочь, жену в роли искательней того, чего нет на свете.

– Это не страшно.. Потом вы все привыкнете и даже будете счастливы! Никто не будет страдать и мучиться. Если ты сам не станешь причиной этого.

– А.. для чего вам кролики?

– Они тоже ищут. Вернее, искали. Очередной тупиковый путь. Я искал месторождение Разума, полагая, что там скрывается моя потеря. Нейрохирургия, генная инженерия.. Годы работы, и всё впустую. Я сделал кроликов разумными, но это – не моя истина. Кролики умрут. И я тоже.

– Отчего же?

– Я больше не нужен в форме учёного, хирурга. Сегодня я специально навёл тебя на встречу, чтобы напомнить о Договоре. До свидания, Юрик.

– Прощайте, – тихо ответил Оленев, – Значит, ничего нельзя изменить?

– До свидания! – интонацией подчеркнул Титов, – В сле-

дующий раз я появлюсь через пять лет, жди. Вернее, ты сама ко мне придёшь.

Титов встал, натянул поводки. Крольчиха Манечка повернулась и сказала вежливо: «Прощайте, Юрий Петрович!». Нестройным хором это повторили её братья и сёстры и живыми белыми комками зашлёпали по газону. Вслед за ними шагал Титов, ещё не старый, но очень усталый, по виду не вполне здоровый человек. Шли они напрямиком на стелу посреди аллеи, что держала на себе скромный, но с достоинством, лозунг: «Перестройку начни с себя!».

Утром в ординаторской было как-то необычно тихо. Веселов не травил анекдоты, Грачёв не гремел басом, а у Марии Николаевны, казалось, покраснели глаза.

Оленев поздоровался, в ответ ему только кивнули. Возникла пауза, которую нарушил Веселов.

– Слыхал новость хреновую? Титов ночью крикнул, прямо в операционной. Инфаркт.

– Володя! – возмутилась Мария Николаевна, но выговор сделать не успела:

– 17 -

Оленев огорошил её, поспешно заявив, что знает о смерти хирурга.

– А кто тебе сказал? – удивился Веселов.

Оленев замер, осознав оплошность, затем продолжил натягивать халат.

– Не помню уже.

– Я удивляюсь вам, Юрий Петрович! – Мария Николаевна хлопнула о стол какой-то папкой, – Иногда мне кажется, что вы бездушный человек. Или вместо сердца у вас камень?

– Не знаю, – пожал он плечами, – Вроде, обычное сердце.

В переполненном автобусе Марина пробивала дорогу к передней двери.

– На следующей выходите? Так проходите, не мешайте. У горисполкома сходите?

На остановке сдавленный народ вывалился из дверей и как-то мгновенно исчез. Марина свалилась со ступенек последней, прижимая сумочку к груди. Подняла голову и замерла.

Бесшумно отъехал автобус. Марина стала обмахиваться сумочкой.

– Чёрт побери, я опять не так одета!

– .. и потом как, ну вот скажи, как они могут утверждать, что существует секретное приложение к пакту Риббентропа-Молотова? Договор – открытый, а приложение, значит, секретное? Они что – имеют какой-то доступ к секретным документам? Никакого! Не те люди. Но, допустим, каким-то образом, через кого-то могли узнать. Так, значит, тех на-

до судить открытым судом за разглашение государственной тайны, ведь так?

Оленев и отец возвращались с прогулки. Пётр Васильевич был очень рад редкой возможности провести время с сыном и рассказать, наконец, о том, что волновало его в последнее время. А волновало всех и вся в стране лишь то, что творилось в зале заседаний народных депутатов, и что щедро показывало телевидение чуть не круглые сутки. Юра тоже размышлял о договоре, но совсем о другом. «Срок не подошёл, но Философский камень-Ванюшка уже напоминает о нём. Иначе как объяснить Расчёску для Арбузов, новогоднюю ёлку на потолке, зеркало, что мельком показало меня в детстве и маму.. Эта чертовщина с комнатами, исчезновениями Марины, Леркиными заскоками. И главное, что все воспринимают это как должное, никто ничему не удивляется! Полтергейсты с барабашками отдыхают!».

Вот и сейчас, после прогулки, Оленев вводил отца в квартиру не через дверь, а сквозь какие-то парадные ворота типа византийских. Но ни отец, ни соседка сверху, что спускалась вниз и поздоровалась как раз перед воротами, не заметили этого! Сам Оленев осмотрел ворота снизу вверх и неодобрительно хмыкнул.

зором. Чёрный ящик по имени «Сони» щедрой палитрой всех цветов живописал картину очередного поиска правды и справедливости в зале заседаний народных депутатов.

«Вот и они ищут. Который год уже. Причём, их сотни, и они знают, что им надо найти и как это выглядит. И ничего дельного так и не могут найти. А я? Что и где искать? Эх, Ван Чхидра, Ванюшка ты озабоченный», – говорил сам себе Юра, краем уха прислушиваясь к надрывным речам.

Провожая отца в его комнату, Оленев заметил, что интерьер квартиры изменился, и в стене гостиной появилась ещё одна дверь. Юра уложил отца и вышел в зал. Телевизор уже почему-то демонстрировал мультик на японском языке. Оленев выключил его, но звуки японской речи не исчезли вместе с изображением. Тогда Юра подошёл к новой двери и открыл её. За красной лакированной дверью оказалась комната, обставленная в японском стиле. На циновке-татами играли дети – мальчик лет пяти и девочка раза в два старше. Оленев оглядел комнату, придвинул европейский стул, сел на него верхом и стал молча наблюдать за детьми. Девочка приподняла голову и, хитро прищурившись, улыбнулась Юре. Он подмигнул и состроил смешную гримасу. Девочка прыснула и толкнула мальчика локтем. Тот оторвался от кубиков и вежливо произнёс:

– Конбанва, софу! (Здравствуй, дедушка!).

– Я, ке ва нани-о ситэ ита но? (Привет! Чем ты занимался

сегодня?).

– Нанииро годзэнтю дзутто яттэта мон дэ нэ. Кутабирэтэ симмата ё. (Всё утро играл. Из сил выбился), – ответил мальчик.

– Ну, и чьи же вы будете? – спросил Оленев по-русски.

– Мы твои, дедушка, – ответила девочка тоже по-русски, – Мама велела тебе присмотреть за нами, а то мы такие кручёные! Вот и смотри.

– Здравствуйте, я ваша дедушка, – протянул Оленев в раздумье, – Поздравляю, Юрий Петрович, вдругорядь сподобился в тридцать два года. Есть не хотите? – выдал он русский вариант продолжения знакомства.

– Ужас как! – согласилась девочка, – Мама говорила, что ты приготовишь нам тако с овощами.

– И-и-и.. где же я вам найду осьминога? – вздохнул Оленев, – Овощи худо-бедно здесь водятся, а вот со спрутами напряжёнка. И закупать валюты нет. Может, обойдёмся борщом? Кстати, папу-то вашего как зовут?

– Ямада, – ответил внук.

– Всё ясненько. Ладно, внуки мои японские, играйте, а я что-нибудь с обедом придумаю.

На кухне Оленев увидел жену. Марина сидела в длинном розовом платье на табуретке, картинно откинув голову и покуривая сигарету с золотистым

фильтром. Стол был завален свёртками с разноязычными этикетками, а поверх всего громоздились рога какого-то зверя.

– Привет. Стол-то хоть освободи. Нам новых внуков кормить надо.

– Опять внуки, – поморщилась жена, И когда это кончится? Девушке всего двадцать пять, а ей то и дело подбрасывают внуков!

– Двадцать дэвять, дэвушка. Мне-то чего заливать?

– Ну да, а выгляжу на двадцать! – раздражённо возразила Марина и тут же сменила тон, – Ты только посмотри, какой чудный сувенир я привезла тебе. Это рога зомбара, но в Бирме его зовут шап. Они тебе понравятся, не правда ли?

– Так ты из Бирмы? – спросил Юра, открывая холодильник.

– Лучше не спрашивай! Устала зверски. Восток так утомляет. Жара, духота, коктейли скверные.. Мой английский, сам знаешь, какой: едва-едва объясняюсь, торговцы дурят почём зря..

– Учи. Английский не сложный.

– Конечно. Для тебя. Ты их и так штук десять знаешь.

– Сто сорок шесть, – скромно поправил Оленев, выпрямляясь с грудой продуктов, – Кстати, у сегодняшних внуков папаша – японец.

– И когда она перестанет менять мужей?! Всё твоё воспитание. С моими данными я могла бы каждый день выходить замуж, но ведь я не делаю этого! Передай ей, чтобы перестала позорить меня, – возмущалась молодая бабушка, нежно поглаживая мужнины рога из Бирмы, – И вообще – как она закончила четверть в школе?

– Как обычно. Одни пятёрки и похвальные грамоты, – отчитываясь, Оленев продолжал готовить обед для внуков, – Но программы сейчас, я тебе скажу, едва сам успеваю понимать.

– Не кокетничай, дорогой, – мурлыкнула жена, – С такой головой люди давно в академиках ходят, а ты как был задрипаным врачешкой, так и остался. Но всё равно, я всем рассказываю, что мой муж – самый главный академик.

– Кому – торговцам рогами?

– Всем, с кем встречаюсь за границей. Завистник! Ты только представь себе: Рангун, солнце, пагоды, слоны.. А какие там иностранцы-ы! Слушай, академик, приготовь супруге ванну, я так устала.

Она по-кошачьи потянулась, погасила сигарету, послала Юре воздушный поцелуй, сгребла в охапку свёртки, оставив рога, и вышла.

– Ага, – машинально буркнул Оленев, примериваясь, куда бы повесить очередные рога.

После каждой поездки жена непременно привозила рога какого-нибудь экзотического животного, и теперь то закру-

ченные спиралью, то прямые и острые как шпаги, рога занимали стены целой комнаты. Квартира же напоминала кунсткамеру. В шкафах лежали минералы и руды, чучела, коллекции бабочек и жуков, детские игрушки, а больше всего – коробки и

– 20 -

коробочки заполняли углы и простенки – вещи, купленные Мариной в бесконечных странствиях по свету.

Ещё из кухни Оленев услышал голос дочери. Она что-то весело рассказывала детям, те смеялись в ответ. Потом смех затих, и только голос – мягкий, ироничный, продолжал что-то говорить по-японски.

Юра поставил на поднос тарелки с борщом и салатом из кальмаров и понёс в комнату за красной лакированной дверью.

Детей там уже не было, а на циновке в белом кимоно и в белых носочках сидела его дочь Валерия, и было ей лет побольше, чем отцу.

– Коннитива, мусумэ! (Здравствуй, дочь!) – Оленев с церемонным поклоном поставил поднос на пол, – Как насчёт борщеца?

– Ах, папулька! – она вскочила и повисла у него на шее, – Как я рада тебя видеть! Сколько же я не была дома? Лет два-

дцать?

– Вчера ты пришла из школы, – сказал Оленев, рассматривая морщинки на лице сорокалетней дочери, – сделала уроки, перевернула весь дом, организовав Академию наук для кукол, рассказала мне очередную сказку на ночь, покапризничала и уснула. Как видишь, совсем недавно, суток не прошло. А как твоя новая жизнь?

– Сначала всё было прекрасно! Я закончила факультет восточных языков, стала писать диссертацию, поехала в Японию и там повстречала Ямаду.. Ну что смотришь, осуждаешь?

Ну влюбилась, влюбилась как дурочка. Разве тебе это не знакомо? Ямада хороший человек, и ребяташки славные, правда? А потом всё надоело. Это не то, опять не то, папочка. Так что, хочешь-не хочешь, а придётся начать сначала. Может, другая судьба будет удачнее?

– Никогда не поздно начать сначала, – сказал Оленев, – Особенно тебе. Ладно, поешь и готовься спать. Завтра в школу.

– Опять в четвёртый класс, – по-детски надулась Валерия, – Я же всё забыла.

– Вспомнишь, – усмехнулся отец, – И.. ты мне опять ничего не расскажешь о будущем? Как там, в двадцать первом веке?

– Самое поразительное, папуля, что никак. Ну нет никакой разницы, кроме количества шмоток и колбасы. Как и

у нас, там одни страдают по несуществующему прошлому, другие мечтают о далёком будущем, и никто, папочка, никто не обращает внимания и не ценит своего настоящего! Я назвала это Постоянным Парадоксом Человечества. Как ты думаешь, не развить ли мне эту тему в будущей жизни?

– Вполне возможно, – задумчиво ответил Оленев, – Хотя кто-то уже занимался уже этим, по-моему. Жаль, хорошие ребятишки были. Ешь, я подожду тебя на кухне.

– Угу, – кивнула дочь, набивая рот салатом.

«Вот так просто кончается жизнь, и нет ни слёз, ни горьких сожалений, так

– 21 -

как впереди – ещё много жизней. Ах, если бы всем так! Но будем ли мы тогда жалеть хоть что-то вокруг себя?» – думал Юрий, возвращаясь на кухню длинными, угловатыми коридорами.

Кухня за его отсутствие успела перевернуться в пространстве, и теперь все предметы были расположены в зеркальном порядке: левое стало правым, правое – левым. Оленев приоткрыл холодильник и сказал озабоченно:

– Ты это брось! С вещами делай, что хочешь, а продукты мне не порть! У них же теперь все молекулы в другую сторону закручены, они стали несъедобными.

Ему никто не ответил, но он прекрасно знал, что его слышат.

– Исправляй ошибку или дуй за нормальной едой!

Под кухонным столом прокатился розовый шарик и исчез за холодильником.

С пустыми тарелками на подносе на кухню явилась дочь. Не взрослая Валерия, а просто Лерка, десятилетняя шалопайка и проказница. Школьная форма, по обыкновению, помята и перепачкана мелом.

– Фу, насилу допёрла, – ухнула поднос на стол.

– Откуда у тебя такие выражения?

– Из рассадника знаний, папуля, из школки, – сооронила гримасу дочь и высунула язык в разводах пасты от ручки.

– Ох, доберусь я до твоей школы! Совсем от рук отбилась. Уроки выучила?

– А что их учить? Я и так всё знаю. Ты вникни, пап: сегодня училка развела базар про пестики и тычинки, я с Нинкой «Бурду» рассматриваю, меня – к доске – а ну, повтори, что я рассказала, а я ка-ак заверну ей на доске развёрнутую формулу редупликации ДНК, а она ка-ак разорётся, ка-ак начнёт звать отца в школу, то есть тебя!

– Ну, вот и схожу завтра, и выясню, как ты там над учителями издеваешься!

– А, истерички недоученные!

– Валерия! Сей же момент мыться и спать! И не забудь: мыло – для мытья, паста – для зубов, а полотенце для выти-

рания. Кстати, кончишь мыться – наполни ванну для мамы. И насыпь хвойного экстракта, она любит.

– Царской водочки налью, мышьячка насыплю! – весело запела дочь, прыгая на одной ножке по коридору.

Можно было не сомневаться, что четвёртая комната исчезла, и возвращаться туда смысла не имело. Оленев прошёл мимо отсутствующей красной двери и заглянул в комнату отца. Тот спал, мерно посапывая.

Зеркало трюмо зияло чёрным провалом. Оленев постоял немного и заглянул в него.

Там отражалась комната, но не сегодняшняя – комната его детства. В кресле сидела мама и что-то вязала. Юра даже услышал, как она негромко, словно очень и очень издалека, напевает свою любимую песню: «На речке, на речке,

– 22 -

на том бережо-очке, мыла Марусенька бе-елые но-ожки..». Оленев придвинул стул и долго сидел в темноте, глядя в освещённый проём зеркала, как на экран. Кусочек прошлого, цветной и озвученный, жил обособленной, почти реальной, жизнью, заставляя сильнее биться сердце и наполняя его печалью о невозвратном.

На улице стоял крепкий мороз, и Оленеву долго не уда-

валось стереть матовую влагу со стёкол очков, когда он зашёл в больницу. Так он и нёс их в руках, беспрестанно протирая платочком, близоруко помаргивая и здороваясь с каждой расплывчатой фигурой в плохо освещённом подвальном коридоре.

В гардеробе его встретил хирург Чумаков.

– Привет! Слушай, ты, говорят, разбираешься в разных языках – посмотри вот, что мне оставил дед? – Чумаков тряс каким-то свёртком в виде трубочки, – Исчез, понимаешь, а тетрадку оставил, но в ней по-русски нет ни шиша.

– Подожди, дай хоть раздеться. Видишь, я без очков.

Они зашли в ординаторскую, Оленев сел за стол, и Чумаков развернул трубочку. Это была большая общая тетрадь величиной с амбарную книгу. Юра разгладил её и начал листать.

– Он кто у тебя, дед-то, – историк? Лингвист?

– Бог его знает. Старик-то не родной, да и жил у меня не так уж и долго. А что там? Мне ничего не написал?

– Нет, тебе ничего. Вроде бы, старинные восточные рецепты, но чего – не понятно.. Так. Это китайский текст.. Ага, это санскрит.. Какие-то алхимические знаки. Интересно, конечно, но вот так, с наскока, понять нельзя, – заключил Оленев, возвращая рукопись.

– Так бери, если интересно. Мне-то здесь ничего не понять, зачем она мне, – Чумаков отмахнулся от тетради и включил телевизор. И угодил на сессию народных депутатов.

Те же избранники народа, но в цветном изображении, ломали головы над улучшением народного же благосостояния, когда Оленев вернулся с работы, потихоньку разделся и прошёл в зал.

Перед экраном с озабоченными депутатами в кресле мирно спал Пётр Васильевич. Юра не стал будить его щелчком выключателя, просто убавил звук и яркость.

На кухне за ужином Оленев принялся за амбарную книгу деда Чумакова.

– Пилюля бессмертия, – перевёл он вслух иноязычную вязь заглавия, – Интересно.

Он развернулся, взял с книжной полки пару словарей, из тумбочки извлёк чистую бумагу и фломастеры разных цветов.

Оленев расшифровал средневековые алхимические символы, перевёл

– 23 -

китайские и санскритские фразы, потом интерпретировал всё это с точки зрения современной науки, заглянул в новые монографии на японском и английском языках, обвёл кое-что из написанного фломастерами и с удивлением заключил:

– Вот тебе и алхимия! Здесь же основа – биологически активное вещество, способное продлить жизнь. Это же ко-

лоссальная встряска организма! Неужели правы восточные предки, и пилюля такая возможна? По крайней мере, теоретически, все реакции идут.

Щёлкнул замок входной двери. Из прихожей выглянула сопящая мордашка Леры.

– А мы у бабушки были. Ты почему не пришёл к ней на день рождения? – громким шёпотом дочь отчиталась и отчитала отца.

Жена вошла на кухню без ясной цели, но с видом оскорбленной добродетели. Открыла и закрыла шкафчик с посудой, украдкой пару раз глянула на стол, усеянный исписанными листами. Любопытство взяло верх, и Марина встала за спиной мужа, всматриваясь в его занятие. Печать мону-ментальной оскорблённости сменилась холодным и стойким стремлением понять суть вещей и вскоре перешло в умилённое восхищение. Супруга сначала положила руки на плечи Юре, потом зашла сбоку, опустилась на колени и благоговейно заглянула в лицо.

– Юрик.. ты начал писать диссертацию?

Юрик смятенно молчал, не зная, что сказать. Во-первых, он ещё не вернулся в этот мир из рукописей Чумаковского деда, во-вторых, не умел врать сходу.

– Ты, наконец-то, решился писать диссертацию! – тихий голос жены полнился ликованием.

– Да.. нет. Вот, Вася Чумаков дал почитать рукопись ти-

бетских рецептов.. Так я просто смотрю.

Марина отшатнулась, закрыв глаза и прикусив губу, словно Оленев дал ей пощёчину.

В кабинете Оленев молча положил тетрадь и свои записи перед Грачёвым. Тот пролистал

тетрадь с нерусским текстом.

– Что за ерунда? Где ты её взял?

– Да так, чудик один раскопал в старых тибетских рукописях. Покажи, говорит, своим светилам, может, сгодится.

– И где же всё это раздобыть?

– Кое-что найти очень просто. Это вот – родные наши травы – хоть в Саянах, хоть на Алтае, хоть на Кавказе в экологически чистых районах можно взять. Минералы выпросить у геологов. А вытяжки из насекомых и змей легко сделать в нашей лаборатории. Там же можно синтезировать кое-какие

– 24 -

вещества.

– Хм. Это надо проверить. Я оставляю тетрадь у себя.

Юра равнодушно пожал плечами. Ему больше ничего и не требовалось: Грачёв крепко сел на крючок новой и интересной идеи.

Оленев достал из дипломата книгу и уселся в дальний угол. Грачёв перелистывал рукопись, приставлял к ней рас-

цифровки Юрия, глухо урчал, крякал, угукал, словом, работал на полную катушку.

Чумаков догнал Юру в заснеженной аллее больничного парка. Хирург был необычно энергичен и весел, блестел как новый пятак.

– Костяновский покинул нас! – торжественно заявил он.

– Но смена смене идёт! И ты непременно сцепишься с новым зав. кафедрой, а так как ты один, он тебя слопает.

– Подавится. А ты лучше за своим Грачёвым следи: того и гляди, в дурдом попадёт.

– Дело он знает прекрасно, а все его завихрения никому вреда не приносят.

– Ну да! А этот, его пресловутый оживитель, с которым он носится всю зиму? Скорее уж, умертвитель, наверное.

– Это не из области хирургии, так что тебя-то мало касается.

– Ещё как касается! Я делаю операцию, отдаю больного вам и надеюсь, что его там выйдут. А чокнутый Грачёв начинает проводить над ним idiotские эксперименты, и мой больной отдаёт богу душу!

– Не загибай. Во-первых, пока ни одного эксперимента с больными не было. Во-вторых, если кто и умирает, то сам знаешь, не по нашей вине. В-третьих, Грачёв – реаниматор на грани гениальности.

– Вот именно – на грани. От гениальности до сумасше-

ствия один шаг. И пусть он только сунется со своим «оживителем» к моим больным – я ему по рабоче-крестьянски врежу, не взирая на степень и должность!

– Задержи дыхание, Вася. Ты лучше расскажи, как там твои квартиранты поживают? Кого пригрел на этот раз?

– Дедушка вернулся, понимаешь! – просиял Чумаков, – Я его едва узнал. Он постриг бороду, раздобыл новый костюм и ведёт себя совершенно по-другому.

– Познакомь меня с дедом! – Оленев встал, осенённый какой-то догадкой, – Раньше он пилюлю бессмертия искал, а чем сейчас занимается?

– Собирает разные камни. Ищет в них разгадку сотворения Вселенной, ни больше, ни меньше!

– Ага, теперь это.. Личного бессмертия ему мало. Так познакомь непременно!

Нагруженный коробками Грачёв пытался открыть двери лаборатории, но ему это не удавалось, а поставить что-то из груза на пол он то ли не хотел, то ли не догадывался. Толчки и царапанье услышала изнутри Мария Николаевна и

– 25 -

открыла дверь.

– Добрый день, Что это у вас, Матвей Степанович?

– Компьютер, Мария Николаевна. Спасибо!

– Зачем? И откуда он?

– Расчёты кое-какие надо провести, программы составить. Одолжил у знакомых ребят из Академгородка.

– Одолжил? Да ведь он совершенно новый!

– Не беда, Мария Николаевна, как-нибудь переживём.

На украшенных красной материей и разноцветными флажками улицах города гремела первомайская музыка. Демонстрантов было мало, как и восторженного шума на митингах.

В приёмном покое санитары гадали – когда пойдут первые праздничные пациенты на этот раз.

– Не с чего идти. На талоны не разгуляешься, а в коммерческих цены не по зубам.

– «Передайте Ильичу – нам и это по плечу». Плохо ты народ свой знаешь.

– Да и где их, талоны эти, отоварить? У нас последний раз водку давали месяц назад. Разве удержится до праздника?

– А у нас в общаге сверху донизу бражный дух стоит. Целую неделю. Комендантша милицией грозит, а мы ей: Нина Ивановна, а хотите, мы им поможем, скажем, где ваша барда стоит? Она и захлопнулась. Менты, правда, приходили один раз на шмон, не успели на второй этаж подняться – ха! – и нет света по всем девяти, и щитовая на замке. Ключ у электрика, а электрик – проходящий! Га-га-га!

Оленев послушал неторопливы трёп и спустился в подвал, в лабораторию Грачёва. Тот, естественно, был на месте.

– Чёрт побери! – приветствовал он Юру, потрясая колбой с бурой жидкостью, – Это же так просто. Клетки впадают в анабиоз, потребление кислорода падает до минимума, меняется кислотно-щелочное равновесие, и даже электролиты прекращают переход сквозь межклеточную мембрану.

Грачёв поставил колбу на стол рядом с Оленевым и бросился к аппарату на другом столе.

– Это же равносильно глубокой гипотермии, даже более того: это почти смерть, но ещё не смерть, ещё можно обратить вспять все обменные процессы, – зав. Отделением возбуждённо докладывал Юре то, что тот давным-давно знал сам, – Ведь это не наши хвалёные шесть минут клинической смерти, а почти час, даже больше часа!

Грачёв продолжал лекцию, а в голове Оленева уже заработал собственный компьютер, анализируя формулы из листочков шефа, что лежали под колбой.

– 26 -

«Нет, уважаемый Матвей Степанович, эти примеси не дадут продолжения желанного времени, и не дадут именно анабиоза..». Он решительно задвинул колбу с отравой подальше и постучал по стеклу пальцем:

– К сожалению, Матвей Степанович, из этого у вас ничего

не получится. Эта проба убьёт первую же собаку.

– Не убьёт!! – горячился учёный, – Кто у нас сегодня лежит в реанимации?

– Вот уж нет! Коллеги и родственники разорвут вас на кусочки, а правосудие отмерит по самому верху. Давайте, всё-таки, сначала на собаках, Матвей Степанович. Или на морских свинках, они у Чумакова есть.

– Какие свинки? Собаки? – Грачёв тут же взвился и вылетел из лаборатории не то ловить бесхозных псов, не то вымалывать свинок у Чумакова.

Оленев допил чай, выключил приборы, сел за стол и написал на чистом листе: «Формула вещества, свободного от примесей». Набрал несколько строчек химических символов.

На другом поставил заголовок «Технологическая схема очистки исходного вещества», нарисовал эти схемы, затем оба листка придавил колбой с исходным веществом на видном месте.

– Действуй, Матвей Степанович! Завтра ты не успеешь дочитать это до конца, как будешь уверен, что придумал всё сам.

В конце рабочего дня Оленев натолкнулся на Чумакова и, как бы вспомнив о чём-то, спросил:

– Послушай, ты когда домой идёшь?

– Дыши глубже, Юрик: у меня сегодня дежурство.

– Ах, да, извини.

– В чём дело-то?

– Да так.. Хотел что-то спросить, да вылетело из головы.

Оленев поехал на другой конец города. Коммунальная служба меняла на улицах первомайские лозунги и картинки на победные, к маю девятому.

Дверь открыл высокий худой старик в строгом чёрном костюме, белой сорочке и чёрном галстуке. Седая бородка аккуратно подстрижена клинышком, только пенсне на переносице не хватало для полного портрета старорежимного приват-доцента.

– Нинь хао! – сказал Оленев, кланяясь по-китайски и пожимая руки самому себе, – Здравствуй, Безграничная Лесная Дыра, Ванюшка ты эдакий! Вот уж не думал, что ты эти годы крутишься возле меня. Не доверяешь?

– Доверяй, да проверяй, – проворчал старик, ре приглашая в комнату, – Осталось несколько месяцев, ты не забыл?

– Я уж думал, что ты сам нашёл. Разве пилюля бессмертия не конечная цель?

– Это опять тупиковая ветвь, – вздохнул старик и посторонился, – Это не то, что нужно мне, но то, что обещал тебе.

– 27 -

– Так это – Териак, абсолютное лекарство, брат Философ-

ского Камня?

– Брат, да не мой. Лекарство, да не абсолютное. Правда, оно бы спасло твою маму в то время.

– Твой рецепт попал в чужие руки. Это не принесёт людям вреда?

– Всё должно быть в меру. Дай в руки маньяку абсолютное лекарство, и он уничтожит Человечество. Вы, люди, никогда не знали меры, вам всё подавай полными пригоршнями!

– Что-то ты не в настроении сегодня, Ванюша. Расскажи лучше, где сейчас ищешь. Говорят, стал минералогом?

– Ищу. Камень – основа Вселенной. Может, там и таится моё Нечто.

– А если нет?

– Тогда ты, – жёстко ответил старик, – ты найдёшь.

– Послушай! Я не знаю, кто ты на самом деле и откуда появился, но неужели за тысячи лет своей жизни тебе не удалось найти это? Тебе, при твоих безграничных возможностях и способностях! Так что же смогу я, зауряднейший из врачей, скучный либерал-обыватель, премудрый пескарь эпохи перестройки?!

– Глупец. Интеллектуальная кокетка! Что ты понимаешь в великих и непостижимых поисках Истины, рассеянной во Вселенной? Когда взорвалось Великое Яйцо, Истина, в нём накопленная, рассеялась вместе с материей, и теперь приходится собирать её по крохам. Жемчуг не зарождается в навозных кучах, но может попасть туда с тем же процентом

случайности, что равен железной необходимости. Ты и станешь тем петухом, что разрывает эти кучи.

– Завидная роль, – усмехнулся Юра.

– Договор, миленький, Договор! Ты просто забыл кое-какие пункты.

– Ещё бы! Ты так лихо подсунул единственный экземпляр и упрятал его. Сейчас я вряд ли бы согласился.

Квартира Чумакова была похожа на разгромленный музей. Только камни были аккуратно разложены на книжных стеллажах. На диване сал щенок, клетка с говорящим скворцом задвинута под стол, а сама птица медленно поворачивала голову то вправо, то влево, как локатор.

– Бедный Чумаков, – вздохнул Юра, оглядев комнату, – То алкоголики у него квартируют, то шизофреники вроде тебя. Никакой нормальной жизни человеку из-за его же милосердия.

– Это его путь. Чумаков – великий адепт, ищущий человека!

– Он хороший хирург, просто очень несчастлив. Но ты прав, это самый удивительный человек, которого я знаю.

– Причинно-следственный механизм чрезвычайно сложен, – плывущим голосом заговорил вдруг Ванюшка, – И ваша дружба совсем не случайна..

С этими словами он стал менять форму, съёживаться, уменьшаться в размерах, костюм его покрылся трещинами, и к концу фразы старик

рассыпался в прах, а на пол с глухим стуком упал розоватый камешек, похожий на обнажённый человеческий мозг в миниатюре..

Оленев подобрал его и поставил на полку рядом с другими камнями. Погладил спящего щенка, подмигнул говорящему скворцу, затем включил телевизор, стоящий в углу на тумбе. Дежурный диктор с готовностью доложил об очередных деяниях депутатов за прошедший день. Юра плюнул и выключил аппарат. Диктор замолк на полуслове, но сообщение внезапно подхватил скворец своим противным скрипучим голосом. Оленев, в спешке покинувший квартиру, долго ещё слышал его.

Настал, наконец, день, когда Грачёв представил открытый им препарат коллегам-реаниматологам.

– Коллеги! Разрешите представить вам результат моей работы, о которой ходят весьма много слухов и домыслов. Я назвал новый препарат, смысл применения которого вам известен из моих прежних сообщений, ребионитом.

– Короче, «оживителем», – наклонился Веселов к Юре, – Любая жена поутру вводит супругу с похмелья в виде клизмы, и тот оживает.

– Как видите, – Грачёв потряс колбой в воздухе, – Это прозрачная жидкость без цвета и запаха.

Он вылил несколько капель жидкости в приготовленную ложечку и лихо опрокинул её содержимое на язык.

– Да, без цвета и запаха.

Дамы заволновались, а вечный комик Веселов подал громкую реплику:

– Тогда это вода, аква дистиллята. В пустыни она действительно мёртвого поднимет.

У Грачёва не было чувства юмора, поэтому он никак не отреагировал и продолжал:

– Я считаю, что на этой неделе можно будет испытать его при плановой операции в случае показания, либо при поступлении тяжёлого больного по «скорой помощи». Сегодня какой день – пятница? Понедельник? Прекрасно! Завтра и опробуем.

– Вы на собаках его испытывали? – вежливо спросила Мария Николаевна, вечный оппонент шефа. – Пробовал. Все выжили.

– ..из ума, – вставил шпильку Веселов.

– Вы как им вводили: живым или мёртвым? – снова подчеркнуто вежливо спросила Мария Николаевна.

– А как вы сами думаете?! – зарычал Грачёв, – Они были в состоянии клинической смерти! На контроле никакие современные способы не дали никакого результата, а ребионит сразу же ввёл собак в состоянии глубокого анабиоза, и

я через час, да-да! – через час спокойно оживил их! Можете полюбоваться – бегают по вольеру, задрав хвосты.

– 29 -

– Тогда это не собаки, а телята, – сморозил Володька.

– У вас есть статьи на эту тему? – не отступалась Мария Николаевна, – Лекарство утверждено Комитетом по новым лекарственным средствам?

– Нет ещё. Надо накопить материал, убедиться на практике, а потом уже завоёвывать верхи.

– В таком случае, вы не имеете права испытывать препарат на больных, и я запрещаю вам делать это.

– Вы не можете запрещать мне! Вы мой ординатор, и это вы подчиняетесь мне! – взревел Грачёв, – Это открытие перевернёт всю науку, неужели не понимаете?!

– Если хотите, вводите эту водичку себе, – не унималась заместительница, – А к больным я вас не допущу. Это противоречит законодательству – испытывать неутверждённый препарат на больных, да ещё составленный по рецептам тысячелетней давности.

– Верить или не верить в тибетскую медицину – ваше личное дело, но лекарство, созданное столетия назад, имеет такое же право на существование, как и современное. Я чётко доказал, что оно приводит к глубокому анабиозу жизненно важных клеток организма. И вы не запретите мне спасти больных от смерти, я легко сделаю это и без вашего согласия!

– Если я узнаю о подобных действиях – пеняйте на себя! Вы становитесь опасным. И я сегодня же подам на вас докладную администрации.

– Ага! Так и знал. Вы сами не прочь занять моё место! Представляю, как здесь всё тиной зарастёт, если вы станете заведующей.

– Ничего, – вставил Веселов, – Мы и в болоте поквакаем.

– Не юродствуйте, мальчишка!

Оленев схватил приятеля и вывел из кабинета.

– Пусть разбираются без нас, они уже перешли на личности.

– Ладно, не нашего ума дело. Но где он раскопал эту штукуёвину, да ещё на тибетском языке? Сам допёр? Ни в жизнь не поверю. Он и английский-то со словарём еле-еле разбирает.

– Меня это не волнует. Пускай хоть украл.

– А-а! Ты у нас в стороне, как всегда, тихоня.

– Заглядывать в чужие кастрюли – не по мне. Впрочем, Грачёв не блефует. Это действительно открытие века. Если не присосутся разные чины, то Нобелевская премия ему обеспечена вчистую. Только ведь загребут, загребут под себя! Или на тормозах спустят, чтобы не ломал систему.

– А мы отстоим, а мы не дадим! А потом ка-ак раскрутим шефа на пол-Нобелевской, ох и погудим! Кстати, ты откуда знаешь, что средство тянет на Нобелевскую?

– Да не знаю я.. Просто ощущение такое.

– Ох, не финти, тихушник! Ты определённо что-то знаешь, пескарь премудрый.

– 30 -

Из ординаторской по одному выскакивали врачи. Когда дверь открывалась, были слышны далеко не парламентские выражения: «Гений непризнанный.. Авантюрист.. Сексотка.. Ваш папаша случайно в НКВД не служил!?!».

На кухне Юра выгрузил продукты на стол, включил плиту, чтобы разогревалась, и навестил отца. Тот сидел в комнате и сосредоточенно смотрел на шахматную доску.

– Привет, папа! Кто кого сегодня?

– Четыре – шесть, – бодро ответил Пётр Васильевич, – но мы ему ещё попадёмся! – и перевернул доску противоположной стороной к себе.

– Марина не звонила?

– Угу.. На первое заказала луковый суп, на второе – котлеты по-киевски, на третье – сливовый компот.

– Недурно женщина живёт. Как Лерка?

– Опять выгнали с урока. Говорит.. как это? А – запарила мозги математичке своим доказательством теоремы Ферма. Убежала не то в художественную, не то в музыкальную школу. Или в секцию этих.. восточных е-ди-но-борств. Тьфу, прости, Господи, язык обломаешь. Я вообще запутался в её

хоббях.

– Значит, в семье всё нормально, – вздохнул Оленев и направился на кухню готовить заказанный обед.

А Марина штурмовала переполненный автобус. Едва протиснувшись на площадку, перевела дыхание, но поправить шляпку не смогла: руки были плотно прижаты соседями и не поднимались.

– Боже мой, ни на работу, ни с работы нормально, по-человечески, доехать невозможно.

Вздых её души услышал престарелый совслужащий в шляпе набекрень с высунувшимся галстуком. Почётного пенсионера буквально распяли на закрывшихся дверях.

– А вот, не захотели достроить коммунизма, вот и ездите теперь как в зверином капитализме! – прозлорадствовал старичок.

Марина покосилась в его сторону:

– Гос-споди, вы-то что о капитализме знаете. Там таких душегубок для народа нет.

– А ты, кукла, откуда знаешь? Поди, съездила уже, побывала там?

– Ну, побывала. И в автобусах, между прочим, не давили меня.

– В лимузинах ездила? Продалась, шалашовка, на доляры! Ух, нет на вас сорок седьмого года.

– А что было в сорок седьмом? – поинтересовался моло-

дой голос.

– А в сорок седьмом мы таких космополитов на Колыму пачками слали!

– Так ты, значит, вохра поганая? – задрезжал голос у Марины за спиной, и кто-то сильно толкнул её, – Прости, дочка, дай протиснись и гадине этой

– 31 -

пищик сомну. Пустите!

– Ага! Дайте выход народному гневу! – задорно крикнул тот самый молодой голос.

Автобус замитинговал.

Обед был готов. Юра поставил на стол последнюю тарелку, и в прихожей раздался мелодичный перезвон.

Тот факт, что дверь открыл улыбающийся муж, а дом встретил ароматом вкусных блюд, привело уставшую, измотанную и оскорблённую в автобусе женщину в более-менее приятное расположение духа.

– Здравствуй. Ты уже дома? А где Лерочка?

– Приобщается к общечеловеческим ценностям в кругу единомышленников и сверстников.

Обедать сели втроём.

– Как дела на работе, милый?

- Как всегда. Умиравшие оживают, ожившие выздоравливают, выздоровевшие выписываются. А у тебя?
- Лучше не спрашивай!
- Не буду.
- Нет, ну как же! Ты представляешь – эта преподобная Леночка явилась на работу в таком платье!
- Карден? Зайцев?
- Да нет же. Разоделась в импортное австрийское платье как на дипломатический приём, и в ушах – ты только представь! – бриллианты!! Ни стыда, ни вкуса – брюлики днём! Думает, если она – любовница начальника отдела, то ей всё можно. Миля, секретарша директора, и то себе такого не позволяет!
- Это прискорбно. Надеюсь, коллектив осудил её большинством голосов?
- Тебе бы только иронизировать. Весь в собственную дочь. Помотался бы в нашем коллективе, узнал бы, что такое жизнь.
- Умоляю! Назначь любую казнь, только не эту.
- Старший Оленев не вступал в разговоры, так как невестку не жаловал за пустоголовство, но выбор сына был для него священен. Обед завершился в молчании.

Юра принялся за мытьё посуды, отец проковылял в зал, где его сразу же приняли в компанию говорливые депутаты. Марина стала вспоминать оскорбление своей личности в ав-

тобусе, откинувшись на спинку стула в кухне.

Два раза треснул ключ в замке, и в прихожую ворвалась Валерия.

– Предки, привет! Есть хочу – ужас тихий!

– 32 -

– Лерочка! Доченька моя ненаглядная! – протянула нежные материнские руки Марина, – Иди ко мне, золотце, красавица моя ненаглядная! Посмотри, отец – вылитая я в детстве.

Оленев только хмыкнул в раковину.

– Ну ты скажешь, мамуля, – отбивалась Лера от маминой ласки, приторной, как крем на торте, – У тебя же мякина в голове, и коэффициент умственного развития не превышает двух, а у меня за двести зашкаливает, – она прикоснулась ко лбу Марины, словно измеряя температуру, а как только бедная мама уронила руки, дочь рванула в ванную.

– Ну, знаешь.. Ну, Оленев – это уже твоё воспитание. Это только ты мог такому научить..

Такое свинство – в глаза родной матери!

– Это не он, это социальное окружение, – донеслось из ванной, – И научно-технический прогресс.. И акселератство!

– Нет, я больше так не могу! Это не мой ребёнок! И откуда она такая?! – исполненная слёз, Марина бросилась из кухни.

– Я сам удивляюсь. Наверное, в роддоме подменили. Ты

не заметила тогда ничего?

Он повернулся, чтобы поставить в сушилку вымытое блюдо, но вместо сушилки над раковиной висела книжная полка, заставленная томами сочинений В.И.Ленина. Юра перевёл взгляд на руку, в которой было блюдо. Рука держала чугунный угольный утюг.

Под столом что-то зашелестело, раковина идиотски захихикала.

– Опять ты за своё! – сказал Оленев и хотел швырнуть утюг под стол, но в руке уже ничего не было.

Конференц-зал больницы был полон. Заведующий хирургическим отделением профессор Черняк, и голосом, и внешне похожий на первого президента Страны Советов, только без родимых пятен, вёл заседание в манере и с интонациями своего двойника:

– Как вы знаете.. товарищи.. В отделении детской хирургии.. произошёл , так сказать, прискорбный случай, я бы так его охарактеризовал. Заведующий реанимационным отделением... товарищ Грачёв Матвей Степанович.. вот он тут, присутствует.. Где? Ага, вот он, вижу, вижу. Так вот, я повторяю, он ввёл умирающему ребёнку препарат, над которым товарищ Грачёв работал... Кстати, работа нигде в плане научных исследований не фигурирует, я правильно говорю, Анатолий Васильевич? Да, вот и проректор по научной ра-

боте подтверждает: работа Грачёва в плане не значилась. Так вот, повторяю: ребёнок этот скончался, товарищи.

– Это ещё ничего не значит, – не выдержал Грачёв долгого вступления, – Все знали, что ребёнок обречён. И отрицательный результат говорит о том, что показания для применения ребионита должны быть сужены до определённых

– 33 -

пределов. Дайте мне возможность довести работу до конца, и я докажу свою правоту!

– Как видите, правота пока не на вашей стороне, Матвей Степанович... Я понимаю, ребёнок мог и так умереть, я не спорю..., но момент его гибели совпал с моментом введения вашего препарата.

– Дайте мне условия для работы! Дайте нужную аппаратуру, помещение, двух лаборантов, и я докажу блестящую будущность ребионита!

– А валюта вам не нужна? – бросил из зала Веселов.

– .. а смерть ребёнка – это случайное совпадение, – не слышал издёвки Грачёв, – Результаты вскрытия не дали ничего против ребионита. Просто все ресурсы организма были исчерпаны, и даже мой препарат ничем не мог ему помочь.

– Значит, ребёнок умер от анабиоза? – спросил детский хирург, – То есть, всё-таки, от вашего препарата?

– Я же сказал: совпадение. Да, клетки должны были впасть в состояние анабиоза, но к этому времени в организме маль-

чика были грубые нарушения мембранной проводимости, и препарат в клетки не проник! Он так и остался в венозном русле!

– Анализы покажут, где находится ваш препарат, – перебил Черняк, – Надеюсь, у него есть точная химическая формула, и его можно выделить из продуктов метаболизма?

– Разумеется, есть! Очень точная и вполне оправданная. Смотрите сами, – Грачёв схватил мел и со скрежетом, осыпая белую пыль, стал яростно набрасывать на доске формулы, – Как видите, он легко проникает сквозь межклеточную мембрану и тут же блокирует дыхание клетки.

– То есть, он действует подобно синильной кислоте? – спросил проректор по науке.

– Никакого сходства! Он просто принуждает клетки впасть в состояние, независимое от поступления кислорода, анаэробного и аэробного гликолиза. Цикл Кребса тормозится, а это означает, что у нас появляется практически бесконечная возможность восстановить гомеостаз, пока организм спит!

– Но как же вывести клетки из этого состояния? Разве есть антидот? – продолжал интересоваться проректор.

– Действие препарата обратимо! – раздельно произнёс Грачёв, – Он сам распадается на совершенно безвредные продукты по прошествии времени. Только доза, рассчитанная на массу тела, определяет время для выведения организма из терминального состояния!

– Значит, это что-то вроде искусственной летаргии?

– Именно так, коллега! В древние времена на Востоке лекари умели вводить больных в состояние, близкое к летаргии, и я теперь убеждён, что ребионит – из того же ряда лекарственных средств. Я не сделал открытия, просто доказал с научной точки зрения правоту древних медиков.

– А кто получит Нобелевскую премию – вы или древние медики? – спросил Веселов.

– 34 -

Кое-кто рассмеялся. Профессор Черняк постучал по графину и придал лицу серьёзное выражение:

– Давайте делать выводы. Перед нами факт, не допустимый в медицине, главным девизом которой был и остаётся принцип «не повреди!». Я полагаю.. и думаю, что присутствующие меня поддержат.. Следует запретить товарищу Грачёву эксперименты на больных. Пусть представит доказательства более весомые, обобщит опыты над собаками, накопит, так сказать, статистику, оформит это дело, мы внимательно выслушаем его, а там уж решим, как поступать. Но пока, я повторяю, никаких опытов! Никаких опытов незаконных, понимаете ли. При повторении подобного факта, я думаю, разговор будет проходить в другом месте. Вы согласны?

Зал сдержанно загудел.

– Вам понятно, товарищ Грачёв? Вы приняли наше реше-

ние?

– Нет, ваше решение негуманно. Никто не может мне запретить использовать дополнительный шанс для спасения человека.

– Вы ходите по лезвию ножа! – погрозил пальцем Черняк.

На этот раз Марина легче переносила автобусную давку, поскольку ехала с подругой по работе. Тем более, что Ира пересказывала содержание очередного номера журнала «Бурда».

– Ой, Ирка, я не могу! Все вокруг только и говорят, что он у нас выходит, к тому же на русском, а я ни одного номера в глаза не видела. Ты-то откуда берёшь?

– Ну ты даёшь! Да откуда я могу его взять? Это Милке шеф из столицы привозит, а я как раз вчера после работы, ты-то умоталась уже, приношу в приёмную отчёт нашего зава, а она сидит и листает его. Мама родная! Вся из себя такая важная, будто на ней уже все эти тряпки надеты. Ну, понесла она мои бумаги, а я прям вся взмолилась: Милочка, лапочка, дай хоть на секунду посмотреть, пока ты ходишь. Вот и повезло.

– Ну, подруга, ничего себе секундочка – ты же, вон, сколько нарасказывала уже.

– Хы! Так ты знаешь, сколько времени Милка у шефа была?

– Сколько?

– Сорок пять минут!!

– Иди ты?!

Они пошли вместе. Хоть с трудом, но благополучно добрались до передней двери. Ирка, продолжая болтать, спрыгнула первой, Марину оттеснил какой-то шустрый парень, и когда она спустилась на землю, то раскрыла рот от удивления. Потом вздохнула и произнесла:

– Ну, привет, подруги...

– Как тебе Черняк? – шёпотом спросил Оленев у Чумакова.

– 35 -

– Все они одним мирром мазаны, начальнички. Ты видел, как он скальпель держит? Словно кухонный нож! А оперировать ни хрена не может.

– Вот зануда. Ты хуже меня. Ладно, если будет нужда, я свой живот доверю тебе. Что-то в последнее время стало побаливать в правом подреберье.

– Жри меньше сала. И вообще, жри меньше. Все болезни от жратвы.

Суд над Грачёвым заканчивался. В первом ряду восседала Мария Николаевна, прямая и строгая, рядом с ней – остальные реаниматологи. Только Оленев затерялся в глубине зала

с хирургом Чумаковым.

– Кстати, как там твой дедушка? – между прочим поинтересовался Оленев.

– Он у меня умница. Я ему подарил биноклярный микроскоп для исследования шлихов.

Юра фыркнул.

– Ничего смешного, обиделся Чумаков, – Должен же кто-то открыть тайну сотворения Вселенной.

– Ну да, конечно, Ведь Академии наук не до этого. Впрочем, пусть открывает на здоровье. Просто я думаю, что летом он исчезнет.

– Откуда ты знаешь? – подозрительно покосился Василий.

– Лето ведь. Пора отпусков, – отшутился Оленев.

– Ты не каркай. А то живо схлопочешь по шее.

Посох резко лёг на плечо у самого основания шеи. Юра вздрогнул и открыл глаза. Он дремал в кресле напротив прихожей и увидел, как входная дверь бесшумно, без щелчка замка, отворилась. В тёмном проёме никого не было. Дверь снова закрылась, а на пороге зала материализовалась фигура Чумаковского деда. Дедушка, он же Ван Чхидра Асим, он же Ванюшка, он же Философский Камень стоял с дорожным мешком за плечами и с посохом в руке.

– Всё, – печально и торжественно произнёс он, – Час Договора наступил. За все годы своей квазижизни я ни разу не чувял так близко запах моей находки. Как же ловко я нашёл

тебя двадцать лет назад!

– Меня сгубило неуёмное любопытство, – вздохнул Оленев, – И ещё я по малости лет думал, что безмятежность души, равновесие духа – это и есть вершина мудрости. Ты сделал меня не мудрым, а равнодушным. Все эти двадцать лет я никого не любил, не страдал, не мучился.. Зачем мне красавица-жена, если она меня не любит, если я сам равнодушен к ней?! Слава Богу, что хоть отцовской любви ты меня не лишил.

– Это было запрограммировано. Любовь к детям очищает и возвышает. Любовь к женщине несёт страдания, а это мешает делу.

– Но ты же лишил меня обыкновенной человеческой души! Чумаков страдает, но он намного счастливее меня. Он вечно ищет, а я, выходит, давно нашёл свою тесную, душную, куцую истину и должен радоваться?!

– Заметь: Чумаков не закладывал свою душу за ценности, которые в какой-то

– 36 -

миг жизни кажутся вечными! Ты обрёл, что желал – теперь изволь расплатиться, потрудись на меня.

Круг искателей определён и замкнут. Вам из него не вырваться!

– Какой нам отпущен срок?

– От двухкопеечного до шести световых лет. Я сделал всё,

что обещал, что мог. Теперь очередь за тобой, Юрик!

С этими словами правая рука его грациозно поднялась, и посох опустился на шею Оленева с лёгким сухим треском.

Конец первой серии

ВТОРАЯ СЕРИЯ

Посох опустился на шею, сверкнула искра, и Юра ощутил, что переворачивается в пространстве сразу во всех направлениях. Он не упал, только прислонился к стене, зажмурил глаза, чтобы не так мельтешили разноцветные круги, сполохи и искры, вспыхивающие в хаотическом беспорядке.

Когда он открыл глаза, то увидел, что на полу лежат мешок и посох. Розовый округлый камешек, напоминающий обнажённый человеческий мозг, валялся рядом.

– Сподобился, – тряхнул головой Оленев, – Иди туда, не знаю куда, ищи то, не знаю что.

Настал миг, час и день переворота.

Квартира менялась на глазах. С треском лопающихся рыбьих пузырей делились комнаты, из конца в конец протягивались бесконечные коридоры с распахнутыми дверями; коридоры сворачивались, закольцовывались, становились огромными залами с паркетными полами и мраморными статуями; залы тут же сжимались в тесные кельи с влажными серыми стенами, поросшими клочковатым мхом.

Где-то вдаль на секунду мелькнул силуэт жены, идущей по тропинке среди голых скал, потом появилась дочка, рассыпала учебники из ранца и убежала по оси времени вперёд.

Оленев стоял посреди этого хаоса прямо и стойко, как оловянный солдатик из старой сказки, вытянув руки по швам. Лишь когда всё начало упорядочиваться и принимать более-менее понятные формы, перевёл дыхание, посмотрел на часы, идущие как попало, и огляделся.

Из детской послышалось старческое шлёпанье босых ног и кашель – привычный знакомый. Потом послышалось пение. Отец никогда не пел, даже за праздничным столом, те более странным было то, что он сейчас напевал:

Баю-баюшки, баю,
Сидит ворон на дубу.
И играет во трубу,

– 37 -

Во серебряную..

Юра вошёл в комнату и увидел, как отец, в длинных сатиновых трусах, расхаживает от стены к стене и укачивает Леркину куклу, заботливо укутанную в собственную рубашку.

– Ты чего, папа?

Отец хихикнул и подмигнул.

– Спи, – сказал Юра и прикрыл дверь

В зале вместо трюмо стояла новая вещь: большое старин-

ное зеркало в тяжёлой бронзовой раме. Оленев машинально остановился возле него, но не увидел своего отражения. В зеркале, по ту сторону, стояла его молодая мама и поправляла волосы. В цветном крепдешиновом платье с плечиками, с голубыми, чуть печальными глазами. Она посмотрела прямо на сына и улыбнулась. Юра не выдержал:

– Здравствуй, мама!

Она кивнула, продолжая улыбаться, но не ответила. Наверное, улыбнулась сама себе – своей молодости, красоте. Положила расчёску на подзеркальник с той стороны и вышла.

Вместо неё остался кусок прошлого: обои на стенах из далёкого детства, копия картины Шишкина, фанерный шкаф и круглый стол посреди комнаты, покрытый тёмно-вишневой скатертью с кистями.

Оленев оглянулся. Перед ним была совершенно иная комната – не из детства, но и не та, в которой он сейчас жил. Что-то вроде полупустого зала, устланного коврами.

Он сделал шаг и споткнулся о сидящую на полу красивую женщину в снежно-белом спортивном костюме.

– Кто вы?

– Ты всё такой же, папуля, – устало улыбнулась женщина и очень знакомо подмигнула, – Дочь родную, единственную не узнаёт!

– Привет! – обрадовался Оленев, – Это ты, Лерка? А тебе же завтра ехать в спортивный лагерь!

– Хватит с меня лагерей! Я больше не могу так жить, и пропади пропадом все эти лагеря, сборы, чемпионаты и олимпиады! Одних лавровых венков хватит на супы всего города на десять лет вперёд. Из кубков можно наш дом упоить. Весь мир объехала, облетела, обскакала, обогнала Олимпийская чемпионка Валерия Оленева! И чего ради? Два раза замужем была, а внука тебе родить некогда. Что дальше, Господи, Боже мой? Молодость прошла, забыли даже тренеры.

– Начни сначала, – Юра погладил руку дочери, – В этом виноват я. Прежде всего – я. Ты зря занялась спортом, это не для тебя.

– Наверное. Который сейчас год? – она взглянула на стену ставшей прежней комнаты, где всегда висели, сменяя друг друга, календари, – Значит... мне по-

– 38 -

прежнему десять лет?! Ура! Ну, что ж.. Тщеславие удовлетворено на много жизней вперёд, и теперь-то я уж не ошибусь!

Валерия повеселела, сделала несколько сложных комбинаций, прыжков, и из немыслимой фигуры высшего гимнастического пилотажа обрушилась на шею Оленева, чмокнув отца в щёку. Как точку в выступлении поставила. Лицо взрослой, усталой женщины высветила озорная улыбка, во-

лосы растрепались, словом, перед Юрой стояла его родная дочь.

– Как хорошо дома! Как хорошо, что детство может быть так близко, рукой подать, – Валерия протянула руку к стене, погладила ладонью обои и, прижавшись телом, вошла в кирпичную преграду. На секунду обрисовался тёмный силуэт и растаял, как мокрое пятно на горячем асфальте.

Оленев поспешно обогнул угол, вошёл в спальню дочери, и тут же заблудился. Это была не спальня, а маленький тронный зал, украшенный позолоченной лепниной и гирляндами цветов. Горели свечи в бронзовых канделябрах, светился начищенный паркет. Три ступеньки, покрытые ковром, вели к трону из слоновой кости. На троне восседал Ванюшка со скипетром и державой. Завидев Юру, он произнёс царственным голосом:

– Какие будут просьбы, петиции, реляции, вопросы, апелляции, доносы, рекламации?

Оленев опустил в кресло, обитое бархатом.

– Намастэ! Кафи дын хо гаэ, манэ тумхе нахи деха хаи! (Привет! Давно я тебя не видел) – сказал он на хинди.

– Иах тумхари галаты хаэ! Калхёхи то. (Ты ошибаешься. Только вчера).

– Киси бхи халат мэ май! Якин нахи кар сакта? (Ни за что не поверю! Разве не сегодня?).

– А где граница между вчера и сегодня? – наивно вопро-

сил Ванюшка.

– А где граница между равнодушием и равновесием? – раздражённо сказал Оленев, – Что-то сломалось во мне. Мне остро чего-то не хватает!

– Подарить тебе вилку? Или нож?

– Перестань.. Зачем ты лишил меня любви?

– Сам просил. Но если ты попытаешься влюбиться сам, ты нарушишь Договор. Это чревато!

– Чем?

– Чревом, червями, червоточиной, чёрт знает чем, – понёс Ванюшка каким-то граммофонным голосом, – Как в картах. Есть час пик, час треф, час бубей, час червей..

Играй, блефуй! Проиграешь – вот мой меч, изволь на плаху лечь. Выиграешь – чур пополам. Идёт? Хха-ха-ха!

– Ты заманил меня в западню. Ты сам запретил рисковать!

– Не передёргивай карты! Ты сам хотел. Однако, заговорились мы. Э-эх, времечком по темечку! – заверещал вдруг Ванюшка голосом Бабы-Яги из детских фильмов и запустил в Юру скипетром и державой.

– 39 -

Оленев пригнулся с поворотом и мог видеть, как весомые символы власти невесомо пронесли над головой и улетели сквозь стену.

Когда он повернулся назад, ни трона, ни Ванюшки на нём не было, как перестал существовать и сам тронный зал, а сто-

ял Юра на пороге собственной кухни.

Кухонный стол вращал доброй своей половиной в стену вместе со всей утварью, и получалось так, что чашки, тарелки и прочая посуда были перерезаны под разными углами кафельной стенкой. За столом сидела Марина, дочерна загоревшая, совершенно туземного вида – в пончо и.. набедренной повязке. Она торопливо хлебала холодный борщ прямо из кастрюли.

У Марины были затравленные, голодные глаза; она покосилась на появившегося мужа и придвинула кастрюлю ближе к себе.

– Ешь, ешь, – тихо сказал Юра, – Сейчас второе разогрею. Как самочувствие?

– Чтоб я ещё раз выходила замуж за вождя камайюра! – гортанно воскликнула она, – Ты не думай – я тебе не изменяла! Я – самая верная жена на свете, ты меня знаешь. Но это же полная дичь: у него четыре жены, все живут в разных деревнях, а он раз в неделю навещает каждую по одной, причём, со всей свитой, и уверен, что это и есть нормальная семейная жизнь! Но я не дождалась его приезда и смоталась. Чуть с голода не подохла.

– Как ты там оказалась?

– Дурацкий вопрос, – раздражённо пожала плечами верная жена, – Как обычно. Вышла из дома. Села с Ирккой в автобус. И приехала. Но знаешь, милый, – с обычной непо-

следовательностью Марина перешла на мурлыкающий тон, – До чего это было замечательно! Никаких идиотских тряпок, один набедренный пояс из листьев кароа, а у меня же идеальная фигура! Эти туземки – такие уродки. А тут появляюсь я! Что там началось!

Она затолкала в рот разогретый бифштекс, и дальнейшее произносилось невнятно, но весьма эмоционально.

– .. а пончо – уже на обратном пути.. Один креол подарил.. такой мачо!! ...драка из-за меня в пульперии.. Табуреткой по башке – хрясь! Навахи блестят, кольты палят – ужас тихий!

Вот это жизнь, сплошной вестерн. А то торчу в этой конторе.. На Леночку преподобную смотреть уже тошно.. Да, я привезла тебе подарок, милый. Я о тебе ни на минуту не забывала.

Насытившись, Марина извлекла из-под стола мохнатую сумку и вынула из неё маленькие рожки неизвестного животного. Игриво приложила к темени мужа, оценивающе оглядела и одобрительно кивнула.

– Ну ладно. Пойду, посплю часок. Ты позвони мне на работу, скажи, что ушла на больничный. Ты же мне устроишь, милый? – она чмокнула его в лысину и вышла.

– 40 -

А Юру не покидало ощущение непонятной потери.

– Что-то не так, – бормотал он, блуждая по лабиринту ко-

ридоров, отражаясь в кривых зеркалах, оставляя талые следы на паркетах, – Годы жизни потрачены впустую. Отец, жена, дочь – всё, как у людей. Никаких отклонений, потрясений, разочарований, бед, погромов и землетрясений. Где она, МОЯ потеря? Не его, а именно моя? Что не даёт МНЕ покоя?

Остановился у подоконника, рывком распахнул рамы... и сразу увидел ЕЁ, одну ЕЁ, только ЕЁ!

Она шла по другой стороне улицы, освещённая закатным солнцем, юная, красивая, задумчиво склонив голову – как мимолётный кадр из сентиментального фильма.

Оленев зажмурился. Шумела, гудела, пела многоголосым хором широкая улица. По мостовой, как по заводскому конвейеру, потоком текли автомобили. Тротуары пестрели разноцветными и разноликими прохожими, Открывались двери магазинов, выплёскивая людские ручки в реки.

Она шла сквозь мир, как подвижный оазис тишины и долгожданного счастья, затаённого ожидания и светлой печали. Оазис любви в пустыне людного мира.

Оленев полной грудью вдыхал воздух Планеты, смотрел за женщиной, следил её прихотливый путь среди людей, стараясь запомнить неповторимую походку, лицо, глаза, губы.

– Это ОНА, – сказал он сам себе, – Да, это ОНА!

И в ту же секунду окно стало затягиваться полупрозрачной зеркальной плёнкой. Она

Быстро нарастала с краёв рамы, суживаясь, как диафрагма объектива в центре окна.

Сквозь неё Юра видел ту же улицу, только безмолвную, и своё лицо, наложенное как диапозитив на уличный пейзаж. Его полупрозрачное отражение на миг соприкоснулось с силуэтом незнакомки, и диафрагма полностью закрылась.

Оленев прикрыл за собой входную дверь, спустился на лифте и вышел на станцию метро, которого ещё не было в городе, проехал две остановки, вышел в многолюдной толпе, встал на ступеньки эскалатора и, глядя поверх голов, увидел ночное небо и далёкую звезду, мерцавшую в одиночестве.

Он ехал в автобусе полусонный. Машину занесло на повороте, Юра потерял равновесие и ухватился за рукав соседа.

– Ну ты, рукав оторвёшь, – недружелюбно отреагировал тот.

Оленев обернулся, чтобы извиниться, но тут заметил ЕЁ. Ту самую, чей силуэт слился с его отражением в окне. Она стояла далеко впереди, за людской стеной, готовая покинуть автобус на следующей остановке. Оленев

– 41 -

рванулся вперёд.

– Куда прёшь, не видишь – люди?

– Извините, мне нужно выходить.

– Ну и выходи в заднюю.

– Там жена, она не знает, где выходить!

– Поразводили жён, в автобусе не проехать.

Юра упорно продвигался вперёд, то и дело теряя женщину из вида, но когда добрался до передней площадки, успел увидеть лишь мелькнувший за окном такой знакомый и невероятно далёкий профиль. Автобус уже набирал скорость.

– Откройте, мне надо выйти. Остановите!

– Раньше надо было готовиться, шляпа!

Обгоняя Юру, к больнице спешили знакомые врачи, медсёстры, здоровались на ходу, и он машинально кивал в ответ. Сильная мужская ладонь хлопнула по плечу. Вася Чумаков.

– Ты чего кислый, как простокваша? С женой, что ли, поругался?

– По-твоему, других причин не бывает?

– Ещё бы. Любая семья – маленький дурдом. Кто кого передурит.

– А твоя? Как дедушка?

– Ушёл вчера в экспедицию. За камнями. Это ты накаркал? Нет, ты представляешь – всё нормально было, я ему вдобавок к микроскопу станочек сварганил – камни резать и шлифовать, он так рьяно за дело взялся...

Оленев хотел было сказать, что его постоялец больше не вернётся, но другие мысли занимали сейчас Юрину голову.

«Рано или поздно я найду её. Но что скажу ей? О своей любви? Примет меня за идиота или нахала и будет права. Как это невероятно трудно – подойти и сказать незнакомому человеку и сказать, что хочешь быть рядом с ним всю жизнь! Люди забыли не только о том, что на свете есть любовь, они даже перестали обращать внимание на пол того, с кем сталкивается жизнь – в очереди, в автобусе, просто на улице».

– .. твой чокнутый совсем сбрендил, – наконец услышал он голос извне, – Вчера звонили из больницы – говорят, ворвался в моё отделение и стал искать добровольцев для введения ребионита. Обнаглел вконец, Пастер несчастный. Ну, попадётся он мне сейчас!

– Не заводись. Грачёв ведь не о славе думает. О больных. Другое дело, что не все средства хороши для достижения цели, так а в какое положение его поставили?

– Ну и не такими средствами тоже.

– Я тебе, пацан, ноги в следующий раз повыдергаю и так заставлю на первый этаж бегать!

– 42 -

Нашёл мальчика, алкаш грёбаный! – на пороге ординаторской стоял небритый дежурный врач средних лет и грозил кому-то внутри кабинета.

– Что за шум, а драки нет? – Юра попытался разрядить обстановку банальной фразой.

– Да вон, задрыга ваш, – хирург зло кивнул в сторону Веселова, внимательно изучавшего строение оконной рамы, – Вздумал шуточки со мной шутить. Поживи с моё, потом шутить будешь, и то не со мной!

Дежурный дёрнул головой и удалился. Только сейчас Оленев обратил внимание на то, что хирург был босиком.

– Чего это он? – спросил выходящую из кабинета медсестру Наташу.

– Да Веселов ему под утро втихую тапочки загипсовал, а потом из приёмного покоя позвонил, что «скорая» тяжёлую черепную привезла. Ну, Пётр Иванович спросонья хватился бежать – чуть ключицу об стол не сломал.

– Достукаешься. Устроят тебе тёмную когда-нибудь, – Юра подошёл к окну.

– Чем темнее, тем интимнее, – отозвался Володька без особого веселья, – Но учтите – в темноте я могу в чай мочегонного влить в лошадиной дозе, да ещё перед самой конференцией. Во, попляшете.

Выглядел Веселов озабоченным и растерянным и хохмочки отпускал как будто автоматически, без свойственной ему бесшабашности.

– Опять с похмелья? Смотри, выгонят.

– Ещё чего?! Я по утрам – ни-ни. Только кефир. Если подвезут.

– Где шеф? Пора уж и планёрку начинать.

Веселов как-то непривычно замер, почесал заросший за суточное дежурство подбородок и ответил, перебивая беззаботности в голосе:

– Отсыпается в лаборатории. Ночью шаршился по всем отделениям. Теперь до обеда не поднимешь.

В кабинет зашла Мария Николаевна.

– Здравствуйте. Матвея Степановича нет? Что ж, проведём планёрку без него. День операционный, мешкать некогда.

– Ну, слава Богу, отсеялись. Зашивай! – скомандовал Чумаков ассистенту и пошёл из операционной. Снимая перчатки, маску и халат крикнул через двери, – Юр, иди сюда, анекдот вспомнил. Ваш, про анабиоз и реанимацию. Наладил, значит, Михал Сергеич перестройку, ну, результатов ждать долго, а знать-то хочется, чем дело кончится. Вот и созвал он учёных-реаниматологов и говорит: «Вот такая вам, товарищи, задача – погрузите меня в анабиоз лет эдак на пятьдесят...».

Сестра-анестезист стояла над Оленевым, что продолжал сидеть перед приборами в операционной.

– Будем отправлять в палату? – кивнула она на спящего на столе больного.

– Нет, – встрепенулся Оленев, – Позвоните в лабораторию, пусть заберут анализы ещё раз.

Ощущение близкой беды не покидало его, хотя с этим пациентом всё было в порядке.

– Ты чего вошкаешься? – Чумаков заглянул в операционную, – Что-нибудь не так?

– Всё нормально. Просто не хочется идти в ординаторскую.

– А-а... Бабские склоки, – Чумаков не успел закончить мысль: оттолкнув его, в операционную влетел Володька Веселов.

– Куда без маски?! – прикрикнула на него операционная сестра, собиравшая инструменты.

– Бал-маскарад тебе, что ли? – огрызнулся Веселов и окинул взглядом коллег, – Закругляйтесь тут. Там женщину привезли, трамваем сбило. Машка у главного торчит, остальные на операциях. Давайте на подмогу.

Они бегом спустились в приёмный покой. Тут шла размеренная, без лишних слов суета.

На каталке лежала женщина в окровавленной одежде. Санитарки раздевали её, и она стонала с закрытыми глазами. Оленев быстрыми, точными движениями ощупал тело. Переломов не было. Санитарка разрезала ножницами бюстгальтер, откинула в стороны чашечки и отошла. «Так... ушиб лёгкого, возможно, отёк. Рёбра тоже, вроде, целые. И на том спасибо. Голова в крови. Закрытая черепно-мозго-

вая». Он приоткрыл лицо от спутанных волос... и узнал ЕЁ. Да, это была та самая молодая женщина, мелькнувшая в окне и увиденная сегодня в автобусе!

«Вот откуда предчувствие беды, – подумал он, считая пульс и прислушиваясь к хрипящему дыханию.

– Делай подключичную, – бросил он Веселову и повернулся к сёстрам, – Кровь забрали? Обмыть и на стол. Готовьте интубацию.

Веселов склонился над пострадавшей.

– Давление падает, – сказала сестра с прибором в руках.

Оленев облизнул пересохшие губы.

– Энцефалограф. И позовите нейрохирурга, возможна гематома. Да, Володя – надо шефа будить.

Веселов встал как вкопанный с пустым шприцем. Рука его подрагивала.

– Его.. пушкой не разбудишь, – прохрипел он, но тут же взял себя в руки, – Я лучше за Машкой сбегаяю. Пусть поручководит, она любит это дело.

Он хлопнул дверью, а Юра так и остался стоять в изножии каталки. Санитарка отмыла лицо пострадавшей от крови. Чистое, бледное, оно показалось ему ещё более знакомым и близким.

«Неужели я потеряю её, не успев найти?» – подумал он, а вслух скомандовал сёстрам:

– Полиглюкин под давлением, гидрокортизон – сто двадцать пять, лазикс – сорок, хлористый кальций – двадцать,

– Не зовите Грачёва, – сказала Мария Николаевна, заходя в покой, – Обойдёмся без его советов.

Заглянул Чумаков. Потрогал живот и сказал, что ему пока здесь делать нечего. А там время покажет. Раздетую пострадавшую накрыли простынёй и повезли в операционную.

– Передохните, Юрий Петрович, я займусь больной, – Машка, Мария Николаевна вышла следом за каталкой.

Оленев вышел в коридор, постоял у окна, вынул сигарету, но не прикурил, а пошёл по лестнице, спускавшейся в подвал.

«Что это? Очередные штучки от Ванюшки? Но он обещал не вмешиваться в работу. Только в моей квартире он имеет власть делать всё, что ему заблагорассудится... Не успеваю найти, уже теряю. Не успеваю полюбить, могу расстаться».

Он толкнул дверь лаборатории, зажёл свет. Грачёв лежал на раскладушке на спине, с головой закрывшись казённым покрывалом.

На цыпочках, чтобы не потревожить шефа, подошёл к холодильнику и открыл его. Вспыхнула лампочка. Среди чёрствых пирожков и остатков бутербродов лежала пенопла-

стовая коробочка. На крышке рукой Грачёва было выведено: «Ребионит».

Оленев открыл её. В пенициллиновых пузырьках плескалась прозрачная жидкость.

Пузырьков было восемь, хотя коробка рассчитана точно на десять, и Юра точно вспомнил:

– Пятнадцать собак, Юрий Петрович, уже не пять, не десять, а пятнадцать собак разного возраста и состояния здоровья благополучно перенесли испытания препарата, – Грачёв одной рукой укладывал пенициллиновые пузырьки в коробку, а растопыренными пальцами показывал Юре количество подопытных собак. И как раз на десяти животных он вставил последние пузырьки, показал на них пальцем и закрыл крышку.

Сейчас он только вспомнил это, но голова была так забита случившимся за последние полчаса, что он только отметил в памяти количество пузырьков, но не придавал этому никакого значения. Машинально вынул из коробки ещё два, положил в карман халата, а коробку вернул на место.

Дверца холодильника громко хлопнула, Оленев вздрогнул и оглянулся на шефа. Тот не пошевелился.

– Матвей Степанович, уже день. Привезли тяжёлую больную, посмотрели бы.

Покрывало не шевельнулось. Рискуя нарваться на окрик, Юра все же откинул ткань и увидел лицо Грачёва.

Рефлекс реаниматолога, вбитый годами практики, сработал мгновенно. Он рванул рубашку на груди Грачёва, прикоснулся на миг ухом, нажал пальцами

– 45 -

на сонную артерию и, не раздумывая, не тратя времени на поиск салфетки, отжал челюсть спящего, взялся пальцами за его нос, приник своими губами ко рту Грачёва и сделал выдох в лёгкие. Сильными, ритмическими движениями несколько раз толкнул грудную клетку. Раскладушка прогибалась. Юра опрокинул её, уложил шефа на пол. Руки и ноги Грачёва безвольно раскинулись в стороны.

Оленев работал до седьмого пота, изредка поглядывая в сторону телефона: чисто физические усилия требовали ещё одного помощника, но оставить Грачёва даже на секунду он не мог.

Наконец Юра понял, что вдохнуть жизнь в Грачёва не удастся. Он обречённо сел на пол рядом с телом, задыхаясь, вытер пот со лба и скользнул беспомощным взглядом, готовый заскулить от бессилия и отчаяния. И тут же заметил листок бумаги, на котором крупно чернела надпись фломастером: «Не оживлять! Массаж сердца не делать!! Я не умер, это летаргия».

Юра бросился к телефону, моментально набрал три цифры.

– Алло, это Оленев. Грачёв в коме! В лаборатории, в под-

вале. Каталку давайте! Бегом!!

Дальнейшее он воспринимал смутно, сидя за столом в самом углу лаборатории. Грачёва подняли на каталку и увезли. Комната наполнялась людьми. Профессор Черняк пытался выспросить у Юры детали происшедшего – когда Грачёв ввёл себе препарат, сколько, как

Оленев догадался спуститься в подвал, но тот не отвечал, даже не слышал вопросов. Его оставили в покое и покинули лабораторию.

На видном месте на столе лежала толстая тетрадь. Это был дневник проведения экспериментов. Юра раскрыл её.

«Собака Икс, вес девять килограммов. Клиническая смерть после введения пяти кубиков дитилина. Экспозиция – 10 минут. Интубация, ИВЛ, на фоне введения двух кубиков ребионита. Стойкий эффект через 45 минут. Период Реабилитации -2 суток.

Собака Игрек, вес 8 кг.»..

– Ага! Вот последняя запись: «Ребионит, введённый в здоровый, неистощённый организм, вводит его в состояние лентаргии. Это и есть тот самый анабиоз, о котором писали фантасты. У меня нет выхода, и я вынужден испытать препарат на себе. Не вините Веселова: я сказал ему, что болит сердце, и дал наполненный шприц. Доза рассчитана, я должен проснуться через три дня. Если не хотите моей смерти, не

применяйте обычных методов реанимации! В случае неудачи письмо, адресованное жене, – в нижнем ящике стола». Далее шли расчёты и формулы под заголовком Методика выведения из состояния анабиоза». «Он прав, – думал Оленев, – Ошибок нет, всё должно получиться...

– 46 -

А ведь сейчас там, наверху, завертелась кутерьма! Они убьют его! Дурак, сам начал!».

Юра схватил тетрадь и побежал по гулким коридорам к лестнице, наверх.

Оленев протиснулся в палате сквозь рой врачей и сестёр, увидел распятого на белой простыне Грачёва и Марию Николаевну, готовую вонзить длинную стальную иглу в обнажённую грудь шефа. Ни на миг не задумываясь, не останавливаясь, Юра на ходу выбил шприц точным броском ладони.

– Что с вами Юрий Петрович? – холодно спросила Мария Николаевна, – Вам нездоровится? Тогда уходите, мы без вас справимся.

– Не надо! Не надо ничего делать. Вы погубите его! Он не умер, он спит. Летаргия. Выключите респиратор!

Сам он не мог дотянуться до выключателя, поэтому выдернул интубационную трубку из гортани Грачёва и едва не лёг на него.

– Вы сошли с ума! – крикнула Мария Николаевна, – У нас каждая секунда на счету. Уйдите!

– Он жив! – кричал Юра, прикрывая собственным телом Грачёва, Вы понимаете – он жив, зачем оживлять живого, это же дикость!

Вечно сонный Оленев и в самом деле производил впечатление свихнувшегося человека. По знаку Марии Николаевны два крепких интерна бережно взяли Юрия под руки и пытались оторвать от койки.

– Прочитайте его записи, – частил он, на секунду вытягивая руку с тетрадью и снова цепляясь за раму кровати, – Там ясно написано, что он ввёл себе ребионит специально. Это не смерть, это запредельная кома, искусственная. Летаргия, анабиоз! Он же сколько вам доказывал. Дождались, да?! Что ему оставалось делать? Вы же его за ненормального принимали!

– Сердце не прослушивается. Дыхания нет, – сухо чеканила Мария Николаевна, – Зрачки расширены. Арефлексия. Что вам ещё надо? – и заорала, как базарная баба, – Убирайся отсюда, психопат! Вон! Потом поговорим о твоей профессиональной пригодности!

Оленев ослабил руки, интерны вежливо отступили, но Юра тотчас вывернулся и забежал за изголовье кровати. Достать его там было невозможно, не рискуя повредить сложную электронную технику, зато отсюда он мог помешать любым действиям.

– Не пущу, – твёрдо сказал он и бросил Марии Николаевне листок с последней запиской

Грачёва, – Это его воля. Он знал, на что идёт. И если вы нарушите, вы убьёте его!

– Да, это его почерк, – Мария Николаевна прочитала записку и передала её по рукам, – Но мы не можем взять на себя такую ответственность – не делать ничего. Может, он был невменяем, как вы сейчас. Кто ввёл ему этот яд? Какое отношение имеете вы к этой истории?

– 47 -

– По-моему, не время допрашивать, – вмешался Черняк, – Вы скажите – есть шанс на спасение, или это... конец?

– Если и конец, то не по моей вине, – бросила Мария Николаевна и демонстративно отряхнула ладони.

И тут Оленев ощутил прикосновение. Неизвестно откуда взявшийся Веселов встал рядом с ним и, нарочито беспечно почёсывая щетину на подбородке, сказал:

– Да ладно вам митинговать. Оставьте шефа в покое. В кои-то веки человек собрался отоспаться.

– О вас мы поговорим отдельно. О вашем моральном облике и о всём прочем, – вскинулась Мария Николаевна и вышла.

Замерли сёстры с наполненными шприцами в руках, продолжал гудеть респиратор.

– Ну, я это вlepил ему двадцать кубиков, – сказал Володька, – Он говорит, мол, сердце барахлит, кофе ночью перепил, на-ка, шурани в вену. Ну, я думал – обычный коктейль, как водится.

Черняк снял накрахмаленный колпачок, мял его в руках и вышел. Растолкав сестёр, к Оленеву подошёл Чумаков. Он наоборот – нахлобучил шапочку на самые уши, хмуро шмыгнул носом и спросил:

– Вы чего, мужики? Это правда? Тут его жена пришла. Боится заходить.

Веселов присвистнул:

– Ты что, Никитич? Мертвецов не видел, отличить не можешь? Жив и почти здоров наш Менделеев.

– Потому и шапку не снимаю, что не похож на мертвеца. Так что – звать жену?

– Зови. Скажи, что Матвей Степанович жив и скоро проснётся, – откликнулся Оленев, – Ну, не так скоро, через три дня. Главное – не лезть к нему с нашими обычными методами.

– Это он так решил или ты?

– Он. И я тоже.

– Ага, – присоединился Веселов, – Но я был первым.

– Кто был первым, да будет последним, – мрачно изрёк Чумаков, – Пиши заявление, парень. Пока по собственному желанию.

– .. администрации? – подхватил Володька, – Я что, я ни-

чего. Реаниматологи везде нужны.

– И в тюрьме тоже, – согласился Чумаков. Он развернулся к выходу, за ним последовал и Веселов.

Оленев не трогался с места, вцепившись пальцами в спинку кровати. Бесшумно передвигались сёстры, отключая аппаратуру, раскладывая по столикам шприцы и лекарства. Грачёва накрыли простынёй с головой, но Юра тотчас отбросил её. У Грачёва было спокойное выражение лица, и только уголки губ напряжены, будто он собирался сказать что-то резкое.

– 48 -

В палату зашла женщина в белом халате, с фонендоскопом на шее – жена Грачёва, тоже врач. Она молча села на стул рядом с кроватью мужа, провела ладонью по небритой щеке и тихо сказала:

– Всё хорошо, Матюша. Ты поспи, я подожду.

– Он не умер, это анабиоз.

– Я знаю. Я читала его записи.

– Вы верите?

– Конечно. Он ни разу меня не обманывал.

– Извините, я скоро приду. Я не оставлю Матвея Степановича.

– Я знаю. Идите, Юрочка, я посижу.

В коридоре его ждал Веселов.

– Дай закурить.

– Сейчас нам дадут. И закурить, и прикурить, и по шеям.

Света белого не взвидим, – вздохнул Юра, протягивая пачку сигарет.

В ординаторской шумела разноголосица. Как всегда, выделялся властный голос Марии Николаевны. Слов не разобрать, но чувствовалось, что атмосфера накалена.

– Пять лет расстрела через повешение, – плоско пошутил Володька, – Ну ладно я: с шутов и дураков и спроса нет, с меня и взятки гладки. Но ты-то что встрял, тихушник? Сидел десять лет, мусолил книжки, в халат помалкивал, а тут – на тебе! Вызверился, бросился, аки лев рыкающий!

Оленев приобнял его.

– Пойдём, что ли?

– Знаешь что, пескарь премудрый? Я иду первым и принимаю основную клизму на себя. Как только у них иссякнет критическая касторка, так и ты явишься.

– Нет, идём вместе.

– Не дури, – Веселов натянул колпачок на глаза другу, – Зайди лучше в соседнюю палату.

Совсем забыл тяжёлую больную.

Володя толкнул дверь ординаторской, и оттуда сразу донёсся возглас Марии Николаевны:

– Ага! Вот и он, голубчик!

Оленев одёрнул халат и пошёл к палате незнакомки.

Медсестра вводила её что-то в вену. Юра сел у монитора, пошуршал широкой бумажной лентой, полистал тоненькую историю болезни. Нашёл запись нейрохирурга: «Данных на гематому нет».

Подошёл к респиратору, что-то подкрутил там, скорее для вида, а сам пристально вглядывался в лицо женщины – бледное, неподвижное.

– 49 -

«Прости, что не встретил тебя раньше, – мысленно сказал он, – Моя первая, моя единственная. Я люблю тебя, моя Вера, Надежда, моя Любовь... Я с тобой, я спасу тебя!».

Узкое обручальное кольцо поблескивало на её левом безымянном пальце.

Он вышел и сразу же столкнулся с Веселовым.

– На выход, месье! Второй акт мармизонского балета. Третий звонок, господа лицедеи! Прошу на подмости.

– Жив?

– А то нет! Но какие щепки летели! А тебя решили обмазать дёгтем, обвалить в перьях и выставить в конференц-зале в назидание молодым, дабы с армейским уставом в женский монастырь не лезли. Так что, раздевайся. Форма одежды –

голый таз.

И, распахнув дверь ординаторской, церемонно расклялся перед Юрой, пропуская в кабинет.

– Если не ошибаюсь, это вы первым обнаружили Грачёва в состоянии клинической смерти? – спросил Черняк, – Расскажите подробнее, как это произошло.

– И как вы оказались в лаборатории, – вставила Мария Николаевна.

– Привезли тяжёлую больную, – начал Оленев, но профессор перебил:

– И самое главное: почему вы взяли на себя непосильную ответственность, почему помешали действиям более опытных коллег?

– Вскрытие покажет, когда наступила смерть, и по какой причине! – ни с того, ни с сего выступил проректор по науке с угрозой в голосе.

– Что?! – взорвался Юра, – Какое к... О каком вскрытии идёт речь?! Грачёв жив, можете это понять или нет?

– Вот как? – приподнял бровь Черняк, – И это говорит опытный реаниматолог? Вы что, начали верить в чудеса?

– А вы читали дневник Матвея Степановича?

– Читал. Как это ни печально, но своей жизнью Грачёв доказал абсурдность применения так называемого ребионита. Это его большая трагедия и наша общая вина, что мы не остановили его. Надо было просто запретить любую де-

тельность в этом направлении! Изъять документы. Направить, в конце концов, Матвея Степановича на психиатрическую экспертизу! Да, бестактно говорить так о покойном, но он явно был не..

Подслушивавший в коридоре Веселов бросился к палатам реанимации.

Профессор, видимо, не мог подобрать деликатного слова, и Оленев снова перебил его:

– Грачёв не умер! В дневнике всё ясно и логично доказано. И пусть этот спор решают не хирурги, а специалисты. Я беру ответственность на себя и не позволю относиться к Матвею Степановичу как к умершему. Если же вы будете настаивать на своём, то именно вы окажетесь преступником!

– 50 -

В ординаторской замолчали. Из открытого окна доносилось пение птиц в парке.

– М-да, – поморщился заведующий горздравотделом с депутатским значком на лацкане пиджака, – Дисциплинка у вас того.. не на высоте.

Мария Николаевна хотела что-то сказать, но в это время вошла жена Грачёва.

– Простите. Здесь, кажется, решается судьба моего мужа. Почему же вы не спросите моего мнения? По закону и по совести – моё слово должно быть решающим. И я тоже врач.

– Отчего же, – смутился Черняк, – Конечно, вы правы..

Ваше право подать в суд на виновных. Ваше право – простить их. Но мы должны вынести и свои решения, чтобы впредь подобное не повторилось.

– Я в курсе всех работ мужа и считаю, что это вы довели его до отчаянного поступка. И если муж умрёт, я подам в суд не на этого доктора, – она кивнула на Оленева, – а на тех, кто тормозил его работу. Вы отвернулись от него, иначе он не решился бы на такой шаг.

Он жив, и говорить о нём, как о мёртвом, я запрещаю.

Тишина установилась тяжёлая, давящая. Врачи отворачивали взгляды. Черняк помрачнел, лицо его покрылось красными пятнами. Молчание нарушил заведующий горздравотделом:

– Скажите, на чём основано ваше убеждение и убеждение этого молодого человека, что ваш муж не умер. Он ведь уже...

– Это не входит в вашу компетенцию! – оборвал его Юра, – Вы давно уже не врач, а администратор. Грачёв сделал выдающееся открытие, способное перевернуть всю медицину. В данном случае наши обычные критерии не верны, и он жив!

– Ну, знаете, – выдохнул начальник, – Вы что, пьяны?! Все данные говорят о биологической смерти!

Черняк угодливо разложил бумаги на столе, а медицинский начальник встал, взял у профессора ручку, и начал доказывать свою компетентность:

– Температура тела 32 и пять. Сердечная деятельность остановлена. Дыхания нет.

Абсолютно! Что вам ещё нужно?

– Анализы, – твёрдо сказал Оленев, – Кислотно-щелочное равновесие, электролитный баланс, ну и всё остальное, – он глянул на часы, – Прошло достаточно времени, чтобы убедиться в правильности расчётов Грачёва. Надо взять анализы, и вы убедитесь, что это – клиническая, а не биологическая смерть.

– Хорошо, мы посоветуемся. Выйдите и примите что-нибудь успокоительное.

– Независимо от вашего решения, я своего не изменю.

Только за дверью он понял, что страшно устал. Веселов был рядом.

– Ну, как судилище? Сколько вёдер вошло в клистир?

– 51 -

– Порядком. Посиди с Грачёвым. Не допускай никого, кроме лаборанток и жены. Я выйду во двор ненадолго.

– Ноу проблемз! Дыши, а я побуду Цербером. И полаю, и покусаю, но в дом не пушу.

«Нет, это я двадцать лет пребываю в анабиозе, бесчувственном и бессмысленном», – говорил себе Юрий, сидя

на скамейке в парке, – Грачёв – аскет и фанатик, решился на непредсказуемый шаг ради людей. Веселов, которого все считают алкоголиком и болтуном, оказался настоящим мужчиной, готовым на поступок и на ответственность за него. А что я? Растительная, слепая жизнь, покорность обстоятельствам, нежелание или неумение изменить что-либо.. Неумение? Да нет же! Просто маленький и подленький страх потерять благополучие, которого сам и не заработал!».

– Спасибо вам, Юрочка! – услышал он женский голос и вздрогнул. Рядом стояла жена Грачёва. – Они вынесли решение.

Оленев сжал зубы, готовый ко всему.

– Решили пока ничего не предпринимать. Анализы взяты. Я чувствую, вы лучше всех осведомлены о работах Матвея и верите в его правоту. А я верю вам. Идите, отдохните, я всё равно буду здесь.

– Нет, – мотнул головой Юра, – Никто, кроме меня, не справится. Дело в том, что о ребионите я знаю больше, чем ваш муж. Извините.

– Подробностей Матвей не рассказывал. Такой характер.

– Во всём виноват я. Это я принёс ему древний рецепт и спровоцировал на работу по его воспроизведению. Если бы только знал, чем это закончится.

– Я вас не виню. А Матвей не мог поступить иначе.

На крыльцо вышла Мария Николаевна, отыскала взглядом Оленева и кивнула ему.

– Извините, меня зовут.

– Юра, – как ни в чём не бывало, обратилась к нему, – Сейчас не время для диспутов и ссор. Я не верю в чудеса, но это моё личное мнение. Так вот, я настояла, чтобы Грачёва оставили в покое. Контроль и наблюдение возлагаю на тебя, придётся остаться на ночь.

Позвони домой, предупреди семью.

Она вернулась в корпус, а Юра двинулся к выходу из больницы городка, где находились телефоны-автоматы. Его нагнал Веселов.

– Мне отмщение! С демонической силой меня вышибли из обители блаженных, повергли в прах, отчикали крылышки без наркоза и даже на пиво не дали.

– На, блаженненький, – в тон ответил Юра и протянул горсть мелочи, – Помолись и за меня, грешного, в святом пивбаре. Кто остался с Грачёвым?

– Машка. Хоть и стерва порядочная, но перед истиной сподобилась. Уважаю!

– 52 -

– И я не ожидал от тебя. Ты же был противником ребионита.

– Увы, дорогой Штирлиц! Мужик тем и отличается от амёбы, что может не только поглощать жидкость, но и призна-

вать ошибки.

– Никогда не встречал болтливых амёб! – рассмеялся Олев.

Они расстались, и Юра позвонил домой. К телефону подошёл отец.

– Квартира, – сказал он, откашливаясь.

– Папа, ты?

– Это не Ватикан, это квартира.

– Папа, это я, Юра. Ты не болен? Домой кто-нибудь приходил?

– Дитер Болен болезням не волен. Свинка-ангинка, отминтая спинка. Приходила Лера, чума и холера, – папа говорил разными голосами, как Ванюшка.

– Она уехала в лагерь? Кто-нибудь проводил её?

– Муж её проводил. Кандидат докторских наук или доктор по кандидатам в мастера. А вы кто такой?

– Господи, опять. Юра я, твой сын. Сегодня я домой не приду, остаюсь дежурить. Не беспокойся и передай это супруге, Марине.

– Субмарине? Когда усталая подлодка из глубины придёт домой, да?

– Папа, – вздохнул Юра, – Не выходи из дома ни в коем случае!

Он повесил трубку и ударил аппарат.

– Ну, Ванька, погоди!

Внезапно телефон разразился звонком. Юра взял трубку.

– Да?

– Да и нет не говорить, губки бантиком не делать. Вы поедете искать? Или ты уже нашёл? – затарахтел Ванюшкин голос.

– Нашёл. Приключений на собственную.. шею. Куда опять дочку мою дел?

– Очередной запуск в будущее. Заслуженная художница. Лауреатка. Укатила с мужем на пленэр. Или на пленум. Делает революцию в живописи. Международное признание! Не чета папашке!

– Пошёл к чёрту? – Юра повесил трубку.

– Куд-куда-а? – шутовски донеслось напоследок из самого аппарата.

По дороге в больницу из кармана халата раздался голос Ванюшки-старика, серьёзный, даже угрожающий:

– Не шали! Нарушишь Договор – пеняй на себя!

– Не пугай, надоело!

В палате Грачёва было непривычно тихо – не работал ни один прибор. Поэтому внятно прослушивалась работа респиратора в соседней палате, где лежала незнакомка.

– Юрий Петрович, вот анализы, только что принесли, – дежурная сестра Наташа протянула Оленеву листочки и вышла.

Юра вчитывался в цифры и сравнивал их с записями Грачёва. «Слава Богу, совпадает. Ты прав, Матвей. Мы оба правы».

Мария Николаевна стояла у окна и делала вид, что любит парк. Наташа открыла дверь:

– Марь Николаевна, Юрий Петрович – идите в ординаторскую чай пить. Я приготовила, -

и села за столик дежурного врача, – Идите, там Вера Семёновна одна. Я подежурю.

– Вера Семёновна, – ласково обратилась Мария Николаевна к Грачёвой, когда они пили чай, – Вы бы прилегли хоть на часок, нельзя же так.

– Нет-нет, Мария Николаевна, я никуда не пойду, я останусь здесь до конца, – ровным голосом отвечала Грачёва, глядя перед собой куда-то в пустоту.

То ли желая разрядить молчание, то ли отвлечь гостью от невесёлых мыслей, Мария Николаевна снова пристала к ней:

– Вера Семёновна, в лаборатории стоит компьютер, его Матвей Степанович взял у кого-то на время для работы. Может, его надо вернуть? Вы не знаете, кому? Мы бы отвезли.

– Компьютер? – переспросила Вера Семёновна, с трудом переключаясь на новую тему, – Это компьютер Матвея Степанович, он сам его купил, она смотрела на Марию Никола-

евну, как на несмышлёного ребёнка, – Мы собирали деньги на машину, но ему понадобился компьютер.

Она поставила чашку, поблагодарила и вышла.

Юра расположился в палате на стульях. Он прикрыл глаза и представил себе бесконечную, волнистую равнину пустыни, изжелта-розовые барханы – три низких и один высокий – как четырёхдольник в стихах, как ненавязчивую мелодию, растянувшуюся до горизонта, сливающуюся с мутным, песочного цвета, небом. Он воображал себя птицей, парящей над пустыней в такт барханам – чуть выше и чуть ниже, и мелодия доносилась чуть слышно: песня без слов, из одних гласных звуков. Расслабление, растворение, безмыслие, полный и абсолютный отдых, недоступный даже во сне.

Оленев летел над песками, потоки воздуха топорщили перья на концах крыльев, и тут кто-то на земле поднял ружьё и выстрелил.

Он не сразу понял, что это Веселов, топнув по жестяному подоконнику с улицы, влез в окно и спрыгнул на пол. Машинально посмотрел на часы – была четверть четвёртого утра.

– Час Быка, – невозмутимо сказал Володька, отряхиваясь, – Чего, думаю, сидеть дома, страдаючи? Всё равно, скоро на работу.

– Тебя же выгнали.

– Выгоняют самогонку из бражки, гражданин учёный. Сказал же – час Быка. Рассвет на носу, только и жди вселенских бедствий и мировых катаклизмов. Как дела? Ждёшь событий?

– Жду.

– Как там неизвестная женщина?

– Не нравится мне что-то. Вроде бы, пока всё в норме, а..

– Чуешь, значит. Бывает, по себе знаю. А может, Машке не доверяешь?

– Ты это всерьёз?

– Служай, дарагой, кагыда я гаварыль усерьёз? – начал обычную свою клоунату Володька, – Только по утрам, когда душа пива жаждет.

– Перестань Ты ведь и пьяница понарошку. Маскарад. Сегодня, вот, маску сдёрнул, а под ней, как в плохой комедии, другая маска. Кто ты, Веселов?

– А кто ты, премудрый пескарь? Вот ей-Богу, иной раз кажется, что ты – пришелец. А?

– Не знаю. Пришелец, ушелец – кабы сам знал, может, и сказал. Мне скрывать нечего, – Оленев встал и отряхнул халат.

– Это тебе «нечего»? – Веселов прокурорским жестом указал на карман: когда Юра встал, там звякнуло стекло.

Оленев опустил в него руку и нащупал пузырьки. Ребио-

нит. За день он успел забыть о них. А Веселов уже забыл, куда указывал его разоблачающий персть. Он подался вперёд и сдавленным голосом спросил:

– Чуешь? Там что-то неладное.

В соседней палате изменился привычный стукоток респиратора. Приглушённый голос Марии Николаевны отдавал распоряжения. В коридор выбежала Наташа.

– Я пойду, посмотрю, – сказал Оленев, – А ты лучше отсидись в парке. Сейчас тепло, не замёрзнешь.

– Я своё отсижу, ты не волнуйся.

– Почему вы оставили Грачёва? – сухо спросила Мария Николаевна.

– Там всё стабильно. Что у вас?

– Давление падает. Скорее всего, центрального генеза, – она повернулась к аппаратуре.

– Не надо. Я очень вас прошу – не надо!

– Что?

– Обычных методов применять не надо. Так мы не спасём её, вы же знаете.

– Ещё один Грачёв? Что вас толкает на очередную... очередную такой шаг?

– Это моя родственница. Я имею право решать. Анабиоз спасёт её. Через час будет поздно. Вспомните того мальчика, которому ребионит уже не помог!

– Вот только не надо мне врать! Какая ещё родственница?

За весь день вы не вспомнили о ней ни разу. Вообще её никто не искал и не спрашивал.

– Я молчал, но на это у меня есть причины. Личные причины.

– 55 -

Оленев рассчитал правильно: Мария Николаевна была железной женщиной, но всё-таки женщиной.

– Всегда считала вас примерным семьянином! Впрочем, ваша личная жизнь меня не касается. Но за больных в отделении отвечаю я.

– Беру ответственность на себя.

– Ваши доказательства? Расчёты именно поэтому организму? Предположим, наши методы к успеху не приведут. А ваши?

– «Ваши» – это как? Мои и Грачёва? Или это просто вежливая форма?

– Понимайте, как хотите. Только докажите документально. Сколько вам понадобится времени на программу и расчёты?

– Четыре минуты. Без программы и компьютера.

– Даже так? Засекать на часах?

– Засекайте.

Юра сел за стол и начал писать. Внезапно настольная лам-

па начала испускать кроваво-красный свет, а из-под абажура раздался голос Ванюшки, глухой, но вполне различимый:

– Запомни: ни под каким видом ты не должен проявлять свои знания!

– Помню, – зашипел Оленев и оглянулся, – Не беспамятный. Сгинь!

Похоже, Мария Николаевна ничего не слышала.

– Ты нарушаешь Договор, нарушаешь Договор, нарушаешь... – металлический голос заставлял пульсировать свет лампы в такт словам.

– Заткнись, каменюка! – Юра в сердцах трахнул кулаком по выключателю. Голос под абажуром осёкся, лампочка ярко вспыхнула и перегорела. Оленев набросился на бумагу. Строчки формул заполняли листки, исписанные листки лети под абажур.

– Всё, – сказал он, подавая Марии Николаевне веер листков, – Формулы, выкладки, прогноз при различных вариантах моих действий, а также варианты коррекций.

– Никогда не подозревала в тебе таких способностей, Юра. Похоже, ты, как и Грачёв, жил завтрашним..

– Спасибо, – ответил он и достал пузырьки с ребионитом. Мария Николаевна, словно подчёркивая, что намерена делить с Оленевым ответственность за содеянное, передала ему шприц.

Юрий ввёл лекарство в вену больной и начал отключать аппаратуру. Недолгую тишину разорвала сирена монитора –

остановка сердца! Оленев нажал красную кнопку. Громкий писк, граничащий с ультразвуком, прекратился, по бумажной ленте поползли ровные линии.

– Клиническая смерть, – чуть слышно проговорила Мария Николаевна и спрятала голову в ладонях.

Все птицы округи собрались в кронах деревьев больничного парка и надрывались, что есть мочи – наверное, проводили свою, птичью утреннюю

– 56 -

планёрку.

– Таким образом, состояние обоих больных стабильно. Лечение по предложенной схеме позволяет надеяться на успех с гарантией возвращения к жизни и полного выздоровления, – Оленев закончил выступление на утренней конференции и собирал разложенные для доклада записи. В зале словно бомба разорвалась.

– Какие больные?! – вскочил детский хирург, по милости реаниматоров потерявший оперированного им мальчика, – Два тела без каких-либо признаков жизни занимают две палаты!

– Но и без признаков тления, коллега! – парировал заросший совсем Веселов.

– Я не понимаю: в конце двадцатого века, в советском медицинском учреждении, создать подпольную алхимиче-

скую лабораторию и испытывать невесть что на беспомощных больных! – ужасалась дама в белом халате, но с таким маникюром, что вряд ли принадлежала к врачебному сословию.

– В том то и беда, что в советском! – вскочил молодой врач с причёской, которая выдавала его скептическое отношение к советским, социалистическим ценностям и нормам, – Будь эта идея высказана не у нас, её давно бы раскрутили полным ходом! И не в подвалах, а в лучших лабораториях!

Разделение мнений шло по классической схеме: старшее поколение либо отмалчивалось, либо возмущалось, молодёжь выступала в поддержку Оленева и громко клеймила ретроградов в науке и противников демократии.

– Это не просто самоуправство – это преступление!

– Но вам же с цифрами в руках доказали, что это клиническая смерть, а не биологическая!

– Блеф! Клиническая смерть в течение суток?! Вы у кого учились, молодые люди!

– У таких, как вы, к сожалению!

– А таких, как вы, недоучек, гнать надо из медицины!

Нечего таким делать здесь!

Оленев не дождался вопросов и спустился с кафедры. Председательствующий, проректор по науке, без успеха стучал ручкой по традиционному графину и, только встав во весь свой гренадёрский рост, смог успокоить аудиторию.

– Я прошу тишины, коллеги! Ти-хо, я сказал! Что за базар

на деловом совещании!.. Действительно, Юрий Петрович: ваша жизнь как врача, медика, будет длиться ровно столько, сколько будет продолжаться состояние клинической смерти больных. Не до бесконечности, естественно..

Заросший Веселов обнял небритого Оленева.

– Иди, поспи часок. Ложе шефа в подвале свободно. Тебе уж не буду вводить оживитель. Пуганая ворона, сам знаешь..

Юрий сонно похлопал веками.

– 57 -

– Ладно. Только если что – ты сразу меня буди.

– Слушаюсь, мой генерал! Как же без тебя, дорогой товарищ Эйнштейн. Никто ведь ни в зуб ногой в вашей алхимии.

Оленев спустился в подвал, открыл дверь и очутился в темноте. Выключатель должен был быть где-то справа, но рука скользила по стенке, не находя его. По запястью внезапно потекла струйка воды. Оленев достал зажигалку и высек огонь. Это была не лаборатория.

Вернее, лаборатория, но не та. Большая комната со сводчатым потолком, уходившим высоко в темноту. Тоненький лучик света неведомого источника света едва позволял различить потухший камин, огромный стол перед ним, заставленный ретортами, колбами, тиглями, заваленный древними книгами. Над столом висела высушенная ящерица с приши-

тыми крыльями летучей мыши, а на стене – чучело крокодила. Разноцветные дымы, прошиваемые лучиком света, стлались слоями над всем этим.

– Ты здесь? – спросил Юрий темноту.

Темнота пошамкала и ответила старческим кашлем.

– Зажёг бы свет. Я не филин и не кошка, в темноте не вижу.

– Видящий при свете услышит и в темноте. Перебьёшься.

Но всё же в камине затлела искра, и тут же взорвалась ярким пламенем костра из толстых, древних книг. Синеватые языки огня перелистывали жёлтые страницы и зачитывали их до чёрных дыр.

Оленев осмотрелся. Это была лаборатория средневекового алхимика, но какая-то не настоящая, а словно построенная декоратором из фанеры и картона для съёмок фильма.

Ванюшка объявился за столом в образе чумаковского деда, но не в костюме, а в просторной мантии, разрисованной алхимическими знаками, и в высоком колпаке.

– Для покоренья зверя злого скажу всего четыре слова, – процитировал Юра и сел на массивный трёхногий табурет. Табурет оказался фальшивым, сделанным из картона, и Оленев грохнулся на пол.

– Ну, и что же это за слова?

– Пошёл к чёрту.

– Логическая ошибка! У собак черте нет. И чертям собаки ни к чему. В аду и без собак тошно, не рай ведь.

– Ад, рай.. Игра слов. А понятия – они в душе человека.

Они..

– .. и в деяниях его. Познал?

– Кое-что. Зачем книги жжёшь? Топи рублями, намного дешевле.

– А! Макулатура. Даже в утиль не годится. Понаписали за тыщи лет. Разве прочтёшь, запомнишь весь этот хлам?

– Я же сумел это сделать.

– И что: ты стал более счастливым?

– 58 -

– Цель жизни не только в поисках счастья. Разве твоя потеря в этом заключается?

– Но я не человек, я просто камень с высшим философским образованием. Нас было двое. Я потерял брата-близнеца в момент рождения. Одиночество доконало меня, – Ванюшка разразился потоком фальшивых слёз, подошёл к камину, зачерпнул горсть пепла прямо из огня и посыпал им свой парик, – Но я точно знаю, – всхлипывал он, – Мой братик здесь, рядышком, он вот-вот объявится, обретёт форму!

– И ты по-прежнему утверждаешь, что именно я близок к твоей потере?

– Так, Юрик, так! Клянусь здоровьем брата! Но ты нарушаешь Договор!

Юра опустил голову, вздохнул и честно признался:

– Да. Я влюбился. И был вынужден показать свои знания. Ради любви.

– А ещё и Териак дал людям!

– Его нашёл не я, а ты. К тому же, ты выполнил обещание наполовину: он не исцеляет от всех болезней.

– Во-первых, я его не находил, не создавал, а лишь ретставрировал рецепт. Во-вторых, именно ты применил его на практике. Как ты думаешь, кто больший преступник: учёный, открывший ядерный распад, или генерал, нажавший кнопку ядерного оружия? Ответь, ты же такой умный!

Вместо ответа Оленев схватил большую реторту, обмазанную глиной, и запустил в Ванюшку. Реторта проскочила сквозь квазитело старика, проломила стену и исчезла в чёрной дыре.

– Вот видишь, – сказал Ванюшка, раскатываясь в двухмерный блин, – Обычный человеческий аргумент: когда не хватает терпения и рассудка, начинают запускать друг в друга разные предметы.

– Ты тоже бросал в меня дурацкие скипетр и державу!

– Туземная логика! Ты дождался момента и отомстил мне. Нормальная человеческая логика. Всё нормально, Георгий! Всё нормально.

– Значит, я становлюсь нормальным? Могу жить и любить как все?

– В какой-то степени. Но с минусом пока. Пока не найдётся мой брат.

– Ну что мне – родить, что ли, твоего брата?!

– Как знать, как знать. Может, и родишь. До свидания, папашка! – произнёс Ванюшка голосом Леры и, превратившись в клубы дыма, уполз внутрь камина.

Камин оказался нарисованным, как в известной сказке. И огонь, что пылал в нём, не грел, и пепел был нарисован тоже. Книги тоже оказались не книгами, а раскрашенными коробками из-под женских сапог. Юра не стал повторять ошибку Буратино, поберёг нос. Он просто разорвал тусклую картинку, сделал шаг в темноту и.. очутился в своей квартире.

Стол посреди комнаты был завален образцами камней. Осколки гранитов и мраморов, разноцветные кристаллы, друзы горного хрусталя, малахитовые

– 59 -

слитки – всё это сверкало, переливалось бликами, слепило глаза.

За спиной послышался камнепад, Оленев отпрянул и увидел, как его сорокалетняя дочь высыпает прямо на пол очередную кучу камней и кристаллов.

– Так ты уже не художница?

– Дёрнула меня нелёгкая пойти в эту геологию! – проигнорировала дочь вопрос, – В реках тонула, в тундре замерзала, в тайге горела. Пять открытых месторождений! Про-

фессор! Почётный член королевского географического общества, Великобритания. В мои-то годы! А толку? Дети выросли у родителей мужа, годами их не видела. Скоро внуки пойдут, и я стану бабой. Только каменной. К дьяволу всё это! – она пнула кучу камней, – Пойду снова в четвёртый класс. Теперь-то уж точно знаю, кем быть, когда вырасту!

– Так ли? Скажи честно – разве ты не была счастлива хоть один раз, хоть в одной из жизней?

– Цель жизни не в счастье, а в поисках его месторождения, папулечка. Помнишь стихи Эдгара По? «Ночью и днём, Млечным путём, сквозь кущи райского сада, держи свой путь, но стоек будь, коль ищешь ты Эльдорадо!»! И Валерия отсалютовала пионерским салютом, – А вот стоит найти клад, взять его в руки, как он превращается для тебя в грудку мусора! И значит, надо снова искать. Не истина важна, а путь к ней. Так-то, мой славный, мой вечно молодой папочка!

– Я стал в этом сомневаться. Кстати, другой поэт, более современный, сказал по этому поводу иначе. И он процитировал, произнёс как свой внутренний монолог:

Мосты сгорели, углубились броды,
И тесно: видим только черепа.
И перекрыты выходы и входы,
И путь один – туда, куда толпа.
И, торопя коней, привыкших к цугу,
Наглядно доказав, как тесен мир,
Толпа идёт по замкнутому кругу –

И круг велик, и сбит ориентир.
Течёт под дождь попавшая палитра,
Врываются галопы в полонез,
Нет запахов, цветов, тонов и ритмов,
И кислород из воздуха исчез.
Ничьё безумье или вдохновенье
Круговращенье это не прервёт.
Не есть ли это вечное движенье –
Тот самый бесконечный путь вперёд?
Валерия наморщила лоб, похлопала ресницами и посмотрела на отца с виноватой улыбкой:

– 60 -

– Ой, пап, не помню...

Оленев впервые за время свиданий с дочерью, гораздо старшей чем он, посмотрел на неё как старший и по возрасту, и по мудрости, словом, как отец на своего ребёнка:

– Стареешь, дочь. Этого забывать нельзя, это – Высоцкий.

Валерия с досады так тряхнула свой рюкзачище, что облако пыли невероятной густоты скрыло её и заставило Юрия зажмуриться. Когда же он открыл глаза, дочери в комнате не оказалось.

Из детской доносился резкий голос Марины:

– Это что такое? Что за послание в дневнике, я спраши-

ваю? Опять «придите в школу по поводу поведения Валерии». Что опять натворила? Валерия, я тебя в последний раз спрашиваю: когда ты будешь вести себя, как подобает девочке из культурной, интеллигентной семьи? Когда, наконец,...

Оленев поморщился, как от зубной боли, и прошёл в спальню. По обилию свёртков и пакетов с яркими этикетками, а также новых рогов на платяном шкафу, Юра догадался, что жена вернулась из очередного путешествия.

– Из дальних странствий возвратясь, – прокомментировал он вслух, вздохнул и вышел.

В коридоре он натолкнулся на отца. Тот сидел на полу и строгал перочинным ножичком кораблик из коры.

– Не порань руку.

– Ранней раню руку пораню, – по-детски шмыгнул носом отец и пропел: – Ты плыви, кораблик, мой, по водичке голубой!

Юра с нежностью погладил его по лысине и подошёл к трюму. В нём отражалась комната его детства.

На круглом столе стояла швейная машинка с заправленным шитьём. Видать, мама отлучилась на кухню. Под столом ползал белобрый карапуз в одной рубашонке и собирал кусочки материи. Оленев с нежностью подмигнул своему прошлому.

Он вышел на лестничную площадку и нажал кнопку вызова лифта. Двери его тут же распахнулись, Юра наступил

на пол кабины, и в ту же секунду в ней погас свет, а пол начал уходить из-под ног. Лифт взревел, фыркнул, мяукнул, сверкнули жёлтые огни, дверь с визгом расстегнулась, подобно замку «молния», и Оленев мешком вывалился из кабины, упав на что-то упругое.

Юра проснулся на раскладушке в лаборатории. Над ним улыбался Веселов.

– Выспался?

– Что-то не понял. Как там дела? Я долго спал?

– Дела всякие, а спал ты около часа. Машка велела разбудить. Там в анализах пошли изменения, она говорит, что только ты разберёшь, что такое хорошо, а что такое – плохо.

– Всё остришь. Тебя что – простили?

– 61 -

– Ничто не даст нам избавленья – ни Бог, ни царь, а только искупительный труд на благо человечества!

– Ну, комик жизни...

В палате Мария Николаевна протянула данные последнего анализа и ткнула пальцем в строчку:

– Вот, Юра. Это не опасно?

Оленев взял со стола график, таблицу, анализы, развернул всё это веером и включил

Компьютер в своей голове.

– Нет, это в пределах допустимого, хотя и на пределе. Ана-

лизы надо брать чаще.

В палату вошла было делегация во главе с зав. горздравотделом, сопровождавшим ещё более высокое начальство. Даже проректор по науке оставался в задних рядах, выглядывая поверх остальных голов из коридора.

Юра резко обернулся на шум шагов и сделал предупредительный жест: сюда нельзя!

Высокая комиссия переглянулась, но, рассмотрев непреклонное лицо врача, пошла на попятный с возможным достоинством. Остался лишь заведующий здравотделом.

– Здравствуйте. Позвольте ненадолго истории болезней и данные последних анализов, – ровным, холодным тоном попросил начальник.

Получив желаемое, он покинул палату. В коридоре его окружили члены комиссии, как в

Студенческие годы встречают под дверями аудитории своего собрата, только что ответившего на экзамене. Склонив головы над бумагами, они проследовали в ординаторскую. Юра пошёл в другую сторону. В столовой, куда он забрёл, скорее всего, по инерции, чем из-за голода, Чумаков пригласил его за свой стол.

– Шаманишь? Ну-ну. Не знаю почему, но я тебе верю. И чем ты берёшь? Непонятный ты для меня мужик.

– Чего не понимаешь, тем не обладаешь, есть такая испанская пословица. А веришь ты мне исключительно из чувства противоречия. Если все против одного – у тебя срabатывает

рефлекс: выхватить шпагу и встать на сторону угнетаемого. Так уж ты устроен, Вася.

– Мудришь. А этот, ваш хмырь с весёлой фамилией, он-то что увязался? Первым кашу заварил, а теперь ложки раздать хочет, чтобы одному не расхлёбывать?

– Нет. У него тоже рефлекс.

– Ну-ну. Ты чего не обедаешь?

– Побаливает, – Юра прижал ладонь к телу, – Всё чаще. Холецистит, наверное. Как бы к тебе под топор не попасть.

– 62 -

– Это я запросто. Только намекни. А себе ты тоже Грачёвский оживитель воткнёшь?

– Начну помирать – в завещании укажу.

– Драматическая медицина! Хоть статью пиши о подвиге Грачёва!

– Ещё напишут. Это перелом в истории, Вася. Запоминай. Будешь на старости лет мемуары кропать – сгодится.

– Угу, – Чумаков опрокинул остатки компота в рот, – Особенно мне запала в память небритая физиономия доселе аккуратного доктора Оленева. Вторые сутки? Пойдём, бритву дам.

– Нет уж. Я – как Фидель – до полной победы не буду бриться.

– До второго пришествия, так что ли?

– До твоего пришествия на следующее дежурство, не больше.

Они рассмеялись и вышли из столовой. Юра двинулся навстречу фигуре, вяло бредущей вдоль стены. Это был Веселов. Усталый, в донельзя мятом халате. Щетина на лице уже начала завиваться в густую бородку.

– Иди домой. Заждались, поди, там.

– Такого дома у меня нет.

– Жена выгнала?

– Не то она меня, не т о я её. Что-то не разобрался.

– М-да. Хочешь, поговорю о тебе с Чумаковым? Он как узнает, что ты без семьи и без крова, сразу же возьмёт к себе жить. Любит он несчастных.

– А я счастливый. Счастье, оно, понимаешь, не в крове, а в труде!

Ночью снова пили чай в ординаторской. Не успел Юра взять свою чашку, как она начала мелко вибрировать, неясное бормотание донеслось из кармана халата. Чай осел до дна, как испарился. В кармане послышалось довольное аханье и причмокивание. Оленев поднёс пустую чашку к губам, оглядываясь на Веселова и Грачёву, быстро налил из чайника в чашку перед носом и глотнул быстренько пару раз. Из кармана донеслось сердитое шипение, и карман оттопырился:

– Лей сюда! Лей, кому говорю!

– Изыди, сатана, – прошептал Юра и хлопнул по карману.

Затем пересел на кушетку поближе к Володьке.

– Ты чего, начальник?

– Так. Скажешь потом Наташе – пусть сделает мне ношпу. Что-то боль не проходит.

– Ты, старик, не затягивал бы с этим делом. А то отключишься не вовремя, и ни себе, ни людям.

Из короткого забытья в полутёмной ординаторской его вывела медсестра Наташа, наклонившаяся со шприцем в руке.

– А? Что случилось?

– Ничего-ничего. Вы просили сделать вам укол, да?

– 63 -

– А-а.. Да-да, спасибо, Наташенька, – и стал закатывать рукав халата.

За окном рассеивалась ночная темень. Жена Грачёва открыла глаза.

– Ой, мамочки! – вскинулась Наташа, прикорнувшая возле аппаратуры. Их разбудил негромкий щелчок. Наташа глянула на приборы и метнулась из палаты.

Вздрогнули самописцы монитора, и ровные, словно по линейке выведенные чернильные линии, всколыхнулись. Короткие, пока ещё нечёткие и хаотические всплески зачёрка-

ли на бумаге, постепенно упорядочиваясь, принимая знакомые формы дельта-ритма головного мозга.

На ходу надевая фонендоскоп, в палату влетел Оленев и приставил чашечку к груди Грачёва.

Скрипнуло кресло. Жена Грачёва встала, опустила руку в карман халата, медленно вынимая свой фонендоскоп. Она смотрела на Юру, не решаясь развернуть прибор.

Оленев напряжённо вслушивался. Мельком оглянулся на Веру Семёновну, и подобие улыбки тронуло его губы. Он выпрямился и кивком пригласил её подойти. Путаясь в трубках, Грачёва надела инструмент и встала на колени перед кроватью. Осторожно, словно боясь и не веря, прикоснулась к груди мужа. На глазах появились слёзы.

За окном проснулась и робко запела какая-то птичка.

Когда ранний июньский рассвет вызвал к жизни целый сводный хор птичьего царства, всё более чётко и ритмично стал вспыхивать и погасать на пульте монитора индикатор пульса. Поднялось артериальное давление, не заметное глазу дыхание наращивало силу, глубину, и к началу рабочего дня Грачёв походил на просто спящего человека.

Срабатывал невидимый телеграф: по одному, осторожно, в реанимацию входили врачи, смотрели на приборы, чесали лысины, лохматили шевелюры, пожимали плечами и поздравляли едва живого от усталости Оленева – кто руку по-

жимал, кто по плечу похлопывал, а акушерка, что принимала роды у Марины, так прямо в щёчку поцеловала.

Когда посетитель выходил, взгляду открывалась очередь из желающих лично увидеть чудо оживления Грачёва.

– Юрий Петрович, пойдёмте, приляжете, а я вам бульона сделала, – перед Оленевым стояла Наташа тоже со следами двухсуточного недосыпания.

– Нет, Наташа, я ещё посижу, понаблюдаю.

– Юрий Петрович, бульончик импортный, из кубиков..

– Нет-нет..

Но долго упрямиться ему не дали: подошла Вера Семёновна, взяла его под руку и кивнула Наташе, чтобы та сделала то же самое.

– 64 -

Почти насильно Грачёва увела его в самый конец коридора, в свободный бокс, усадила на кровать. Тут же вошла Наташа с чашкой бульона.

– Идите, Вера Семёновна, отдыхайте, я тут сама.

Вера Семёновна вышла.

– Натё, пейте. Сколько уже не евши, не спавши.

– Наташа, ты же с нами вместе..столько же спала и ела.

– Ну, я-то молодая, мне – что, а вам отдохнуть надо, подкрепиться.

– Вот, спасибо, внученька, утетила старика.

– Ой, да ладно вам, Юрий Петрович, – покраснела девушка, – Я же не то имела в виду.

С закрытыми уже глазами Оленев сделал пару глотков, прошептал «спасибо» и повалился на подушку.

Сон навалился на него какой-то неземной мелодией, тихой, глубоко звучащей, широкой, как сам мир. И такие же картины, земные и неземные, раскрывались перед ним:

Нил, оживляющий пустыню мира, превращая его в цветущий оазис...

Ганг, растворяющий в своих водах людские судьбы и жизни...

Великий Океан, в котором лениво плескались три кита, поддерживающие на спинах сверкающую Вселенную..

Звёздные дожди галактик, рассыпающиеся в глубинах Космоса...

Из волн забвения и успокоения Оленева вытащила бестрепетная рука Веселова.

– Который час? – пробормотал Юра, не в силах открыть глаза.

– Десятый.

– Всего-то.

– Ты дрыхнешь десятый час, Кулибин. Причём, без задних ног. Давай, пристёгивай их, весьма полезны будут сейчас.

– Будто бы есть передние ноги, – проворчал Оленев, са-

дьясь, – Что я тебе, собака, что ли?

Как там дела?

– Сплошные конфабуляции.

– Ложные воспоминания, – машинально перевёл Юра, – У кого?

– У шефа, конечно, елы-палы!

– Он разговаривает?! – Оленев вскочил, – Он пришёл в сознание?!

– Пришёл. Прибежал даже. Да как начал травить – Машка с перепуга психиатра вызвала. Сидит сейчас возле шефа. Тестирует, анализирует. А тот ему цирк устроил: уверяет, что не Матвей он, а Степан. Контузило, говорит, когда Днепр форсировали, вот в госпитале и лежит. Ну, а про ребионит – ни слова.

– 65 -

Рядом с Грачёвым сидел незнакомый врач и тихим шёпотом беседовал с ним. Юра подошёл к Вере Семёновне и взглядом спросил: «Это правда?».

– Всё хорошо, Юрий Петрович, – прошептала она, – Правда, Матвей утверждает, что это не он, а его отец. Степан Петрович на самом деле был контужен при форсировании Днепра. Это побочный эффект вашего препарата?

– Не знаю. Это же первый случай применения на человеке.

– Пока что можно это характеризовать как помрачение сознания неизвестного генеза.

Прогнозов пока давать не имею оснований, но, исходя из адекватности поведения больного на данный момент, считаю, что причин для особых волнений нет, нужно просто ждать, – так высказался на консилиуме приглашённый психиатр.

Паузу нарушил вопрос Черняка Оленеву:

– Это побочный эффект вашего лекарства или конечный результат его воздействия?

– Генетическая память! – мозг Оленева, напряжённо анализирувавший ситуацию, выдал найденный ответ, – У него проснулась генетическая память.

– Снова за своё. Начитались фантастики, – поморщился Черняк и посмотрел на психиатра, продолжая, – Это же совершенно не научный подход.

– В принципе, в психиатрической практике известны случаи восстановления нижних пластов памяти в фазе очень глубокого сна. Но в пределах жизни данного человека.

– Анабиоз тоже был из области фантастики, – сказал Оленев, – но, как видите, Грачёв вышел из него.

– А выйдет ли он из ЭТОГО состояния? – наседал Черняк.

– Выйдет, – уверенно произнёс Юра, – Извините, мне надо продолжать работу.

Все промолчали, словно соглашаясь с правом Оленева командовать в этой ситуации.

Ровно в полночь ожили самописцы в палате у незнакомки. На этот раз событие никого не напугало: в палате был один Оленев, а он ждал этого момента.

Юра стоял возле приборов, когда в палату вошёл Веселов – выпавшийся, с подправленной бородкой, в глаженном халате. Взглянув на приборы, он молча пожал руку Оленеву, взял его за плечи, молча же вывел в коридор и подтолкнул в сторону ординаторской. Юра не сопротивлялся, махнул рукой другу и пошёл спать на жёсткой кушетке.

Марина вышла со двора на улицу и заметила Ирину, пытающуюся остановить машину.

– 66 -

– Привет, Ирка! Ты что – наследство получила, на такси ездить?

– Два наследства. Ты глянь, что на остановке творится – у автобусников не то митинг, не то забастовка, фиг уедешь, а у нас, сама знаешь, сокращения намечаются, так мне надо, что ли, опоздание на работу?

– Ой, мама! – Марина глянула в сторону остановки общественного транспорта, – Ладно, поехали вместе, всё дешевле будет.

Они сели в остановившийся «Жигулёнок» и поехали.

Утром Оленева никто не будил, он проснулся сам и сразу же прошёл в палату незнакомки.

Приборы показывали нормальный ход событий, правда, женщина была беспокойной, если так можно было назвать слабые попытки что-то произнести одними губами.

Веселов за столом делал записи в журнал.

– Привет! Как она – в порядке?

– Смотря в чьём порядке. Слава Богу, если не из рядов ЦРУ.

Юра недоумённо посмотрел на коллегу.

– Не стали тебя будить, но когда она заговорила, мой скудный умственный багаж позволил сделать вывод, что дама – иностранка.

Юра потряс головой.

– Ну, не по-русски говорит.

Оленев склонился на больной и громко, даже властно, приказал:

– Откройте глаза. Так, Хорошо. Вы можете говорить? Как вас зовут?

– Przepraszam... mosterdzie. Ja..brzydko rosumie.. po gosyjsku (Прошу прощения, милостивый государь, я плохо понимаю русский язык).

– Czy Pani jest Polka? Jak Pani sie nazywa? (Вы полька? Как вас зовут?)

– Так. Elzbeta.. Mam na imie. (Да. Эльжбетой. Зовут.)

– Jak sie Pani szuje? Co Pania boli? (Как вы себя чувствуете-)

те? У вас что-нибудь болит?)

– Mam bole glowy.. zawroty. (Голова болит. Кружится)

– To przejdzie. Niech Pani spij, to bedzie najlepsze dla Pani. To wszystko przejdzie. Spije!(Это пройдёт. Постарайтесь заснуть, вам будет легче. Спите.)

Женщина кивнула головой и заснула. Веселов слушал друга, разинув рот. Когда Оленев закончил говорить, Володька только головой помотал. Вошла Наташа.

– Грачёв проснулся. В полном сознании.

Первым из реанимации выскочил Веселов.

– Вот здесь остановитесь, возле газетного киоска, – Ирка, сидевшая впереди, командовала водителю, выглядывая в боковое окно.

У киоска выстроилась солидная мужская очередь.

– 67 -

– Мужики с утра за политикой выстроились. Не наелись дома, из телевизора, – проворчала она и замерла, – Ой, Маринка, рассчитайся, я мигом, там новый «Ригас Модес» появился! – и пулей рванула к киоску.

Марина и рта раскрыть не успела. Вздохнула и раскрыла сумочку.

– Мужчины, мужчины! Мне не надо газет, мне только один журнал мод, пустите даму без очереди!

Марина отдала водителю деньги, вышла, захлопнула дверцу и выпрямилась. Посмотрела вокруг, пожала плечами и вздохнула:

– Но я же на такси ехала!

В палате Грачёва уже были врачи. Он называл по имени всех, кого видел: жену, Веселова, Чумакова, медленно, словно их образы выплывали из тумана. Оленев вошёл последним, и Грачёв его не видел.

– Не вините Веселова, – сказал заведующий слабым голосом, – Что-нибудь получилось, Володя? Я спал?

– Да, Матвей, – сказала жена, – Ты просто спал.

– Дьявол! – внезапно хрипло и энергично выругался Грачёв, – Неужели ничего не получилось, чёрт меня побери?!

Веселов заморгал, зашмыгал носом и выскочил в коридор, захватив по пути Оленева. Он был по-мальчишески рад, буквально ликовал.

– Юрка! Если шеф начал ругаться, значит, всё в полном порядке!

– Хоть за шампанским беги. Надо же – мы победили!

– Шампанское хорошо, – согласился Веселов и серьёзно добавил: – Одна беда – не пью даже шампанского.

– Это с каких пор?

– Пять лет.

– Сколько тебя знаю, а никак не пойму, когда ты говоришь

серьёзно, а когда шутишь. Ты же каждое утро с похмелья!

– Я же тебе говорил, что с дураков и пьяниц спроса меньше. Особенно в незапамятные запойные годы. Хочется вам видеть во мне шута горохового, да ещё алкаша в придачу – пожалуйста!

Он слегка надул щёки, осоловело взглянул на Оленева, искусно, в меру, икнул и, резко сунув руки в карман халата, сказал заплетающимся языком:

– Ф-фу, ну и набрался же я. Ей-Богу, в последний раз. Больше ни-ни!

– Артист! – восхитился Оленев, Ну, артист! Столько времени дурачить людей.

– Время такое, – Веселов мгновенно снял маску, – Играй плохого – поверят. Если наоборот – будут искать тайные грешки, а нет их – всё равно придумают. Я как с женой развёлся – враз отрезвел. Очень её любил. И с тех пор действительно – ни капли. Так что пойдём, тяпнем по рюмке компота.

– 68 -

В столовой они пили тёплый компот, жевали казённые пирожки и принимали поздравления коллег. Подошла Мария Николаевна.

– Вас дома не потеряли – участливо спросила она Юру, – Вы идите. Если что случиться, я пришлю за вами машину.

– Я пойду. Немного погода.

– Сохраните это на память, – она протянула ему листки с расчётами, – Я была не права. Стандартное мышление действительно губит врача. Мне пора на пенсию.

– Я тоже многое понял за эти дни. Мне кажется, в нашей работе главное – не разучиться верить и надеяться. И уметь ждать.. А домой идти я пока не могу: женщина разговаривает на польском языке, и никто у нас его не знает. Я должен дожидаться.

Ночью женщина заговорила на русском языке, но с заметным акцентом. Назвала себя Марией. Эльжбетой была её мать, жена польского ссыльного. Они отбывали срок после подавления январского восстания 1863 года в Сибири. Отец умер давно, мама – два месяца назад. Ей очень тяжело одной в этом городе. С помощью наводящих вопросов Юра узнал свой город начала двадцатого века.

Ночь он снова провёл в ординаторской.

– Доброе утро, Маша! – приветствовал Оленев больную рано утром.

– Меня зовут Ира, – удивилась женщина. Она говорила совершенно без акцента.

– У вас в родне кто-нибудь носил имя Мария?

– Бабушка. Мама отца. Где я нахожусь?

– В больнице. Небольшой несчастный случай на улице.

Всё обошлось, вы уже выздоравливаете.

– Почему я ничего не помню?

– Это бывает. Лучше скажите, где ваши родные?

– Мама? Должно быть дома. Ой, нет, она же уехала к сестре в деревню. А я.. Я ехала на работу.. Утром. Потом ничего не помню.

– В семь тридцать утра вы вышли на остановке «Магазин», – подсказал, волнуясь, Юра, – Сорок первый автобус. Так?

– Нет, что вы! У нас такой не ходит даже близко.

– Но я вас видел в этом автобусе! Запомнил ваше лицо. И сразу же узнал, когда в тот же день вас привезли в больницу. У меня хорошая память!

– Извините. Она вас подвела на этот раз, – проговорила женщина виноватым голосом и погладила его руку, – Я живу и работаю совсем на другом конце города. Сорок первый там не ходит.

«Да, и у меня конфабуляция, ложное воспоминание, – рассуждал Оленев по дороге домой, – Но почему я так чётко сопоставил образы этих женщин:

– 69 -

увиденную в окне, встреченную в автобусе и эту, случайно попавшую под трамвай? Да очень просто: если я обрёл способность любить, то буду теперь всё время искать эту лю-

бовь, эту единственную женщину. Искать, ошибаться и снова искать! Вечное приближение к Эльдорадо.

Кто же прав: Эдгар По, видевший в этом смысл жизни, или Владимир Высоцкий, поставивший такую жизнь по кругу под сомнение? Господи, вразуми! И всё равно – я, наконец, живу полной жизнью!».

– Нарушаешь, нарушаешь, нарушаешь, – зашелестело из кармана, – Аз воздам! Воз дам, нагруженный пинками!

– Чего бы доброго, а этого от тебя всегда можно ожидать, каменная душа.

Оленев достал ключ, но, повертев его в руках, нажал на кнопку звонка. Дверь тотчас распахнулась, словно его ждали давно и с нетерпением, не отходя от порога, и на шее повисла Лерка.

– С днём рождения, папулечка!! – и зачмокала его в молодую бородку:

– Дарю тебе то, не знаю что, для чего иди туда, не знаю куда. То есть в зал!

Юра слегка опешил, увидев свою безалаберную, обыкновенно растрёпанную и плохо причёсанную наследницу в нарядном платье, с прибранными волосами, в которых двумя огромными бутонами цвели пышные банты.

– С днём рождения, сынок! – улыбнулся отец, тоже приодетый и причёсанный в честь семейного торжества.

– А ведь и в самом деле: не то вчера, не то сегодня мне

исполнилось тридцать три года!

В центре зала стоял раздвинутый стол, покрытый белоснежной скатертью. В хрустальной вазе на нём была налита вода.

– А вот и я! – закричала с порога Марина, врываясь в квартиру в умопомрачительном сари бирюзового цвета. В одной руке она едва удерживала огромный букет тропических цветов невиданной красоты, в другой – цветочную гирлянду чуть не до пола. Крутнувшись, она вставила букет в вазу, а затем повернулась к мужу, надела гирлянду на шею и застыла в церемонном, смиренном поклоне.

– С днём рождения, милый! – как можно нежнее произнесла Марина и запечатлела поцелуй на щеке супруга, – Академик ты мой ненаглядный! Как хорошо было в Индии! Мы сейчас такой пир закатим в твою честь. На весь мир! А это мой подарок, – она протянула большой белый сросток кораллов, рогообразно ветвящийся вверх и в стороны.

– Известняк! – констатировала Лера.

Она выхватила кораллы из рук и, постукивая по ним пальцем, явно передразнивая занудный голос какой-то учительницы, затараторила на одной ноте:

– 70 -

– Как известно, слово «известняк» происходит от слова

«известный». Это осадочная горная порода по своему происхождению разделяется на органогенные, хемогенные и обломочные. Химическая формула – кальций це о три. Это – одно из распространённых веществ на земле. Мел, мрамор, раковины, скелеты кораллов, кости животных и людей содержат его в невероятных количествах..

– Ах, Лерочка, довольно! Сегодня не такой день, чтобы слушать ваши с папочкой зауми, – прервала лекцию Марина, выходя из кухни и повязывая фартучек поверх сари. Она начала сервировать стол, уставляя его вазочками с цветами, фарфоровым сервизом, серебряными приборами со старинными монограммами, хрустальными фужерами и бокалами, невесть откуда появляющимися у неё в руках!

– А какие чудные пряности я привезла к этому дню! – ворковала она, управляясь с сервировкой с невиданной доселе ловкостью, – У нас, в Индии, ни одно блюдо не обходится без пряностей. Что за аромат! Что за вкус! Недаром этот чудик объехал вокруг света, чтобы их найти. Ну, ты знаешь, о ком я. Ты у нас всё знаешь, это я забываю всё.

В комнату вошла сорокалетняя Валерия в белой кружевной наkolке на модной причёске, в белом фартучке – красивая, жизнерадостная женщина.

– Сейчас я вас попотчую! Всё по-домашнему, лучше, чем в любом ресторане. Всё, чего душа пожелает! – и на протянутых к Оленеву руках у неё появился поднос с дымящимся блюдом горой.

Каким-то образом тут же материализовался Ванюшка в образе Чумаковского деда. На него никто не обратил внимания, словно он был невидим, или очень привычен, как член семьи.

Вместе с женщинами и Лерой он начал снова между кухней и залом, неся блюда, тарелки, сотейники, соусники, супницы и жаровни. Стол ломился от разнообразия блюд. Причём, с него ничего не падало, так как он увеличивался в размерах, а вместе с ним росла, расширялась, поднималась в высоту комната, превращаясь в просторный пиршественный зал. Каждое блюдо объявлялось тем, кто его вносил:

– Бастурма! Шорпо! Юазартма! Айлазан! Угра-оши! Сых-кебаб! Кыйма-кебаб! Казан-кебаб! Чупан-кебаб!

– Лучшие изделия лучших в мире баб! – вырвался вперёд Ванюшка, схватил в охапку телевизор с танцующими полубогажёнными девушками на экране, а когда повернулся к столу, в руках уже держал крутобокий самовар, свистящий паром в потолок.

И началось пиршество! Пили и ели, славя Оленева. Гостей было много, они казались знакомыми, только ни одного лица хозяин не мог различить: они словно размывались лучами и искрами света, преломлённого хрусталём. Ванюшка сидел рядом, прихлёбывал чай из громадной чашки с огненным

георгином на боку. Гости по очереди подносили Юре кушанья, а старик склонялся к уху именинника и подначивал:
– Откушай, голубчик, голубца! Отведай медведя! Откуси торт «сан-суси»! Рот шампанским ороси!

Оленев отмахивался от него, как от назойливой мухи и поначалу пил только молоко, закусывая сухим печеньем, стараясь не смотреть на запретную пищу. Но её подносили, как ему казалось, самые близкие люди и друзья – жена, Валерия, Лерка, мама и даже Чумаков, всегда запрещающий вообще есть много! И он пробовал аппетитные, соблазнительно выглядывшие кусочки, пробовал понемножку и то, и это, и пятое, и десятое.. и не заметил, как стал уплетать за обе щёки жареное, острое и пряное, улыбаясь и благодаря.

Но тут вдруг к нему подскочил Чумаков и со всего размаха всадил Юре громадную вилку прямо в правый бок. Оленев вскочил и замер от боли.

И тут все гости, как один, стали метать в него вилки и ножи, попадая в шею, в лоб, в челюсти, спину. Столовые приборы оставались в теле, причиняя жуткую боль. Хотелось кричать, но Юра сдерживался, обливаясь кровью, пытался отбиться, но его повалили на пол и стали бить ногами по животу..

Белокурая, одетая во всё белое, чистая и прекрасная. Веч-

ная, как Любовь, шла к нему женщина-незнакомка, шла сквозь боль и муку и надвигающуюся темноту.

Из глубины мрака, из боли, смутно проступало её лицо, склонившееся над Оленевым. Он видел её глаза, слышал тихие, успокаивающие слова.

Его, по-видимому, куда-то везли: натужно шумел мотор, взвизгивали тормоза, заносило на поворотах.

– Это вы, – шептал Юра, продираясь сквозь беспмятство, Это вы... Наконец-то я нашёл вас. Не уходите.

– Лежите спокойно, – отвечала прекрасная незнакомка, – Потерпите, скоро приедем.

– Я люблю вас. Почему вы всё время ускользаете от меня?

– Это пройдёт. У вас печёночная колика.

– Не покидайте меня. Мне плохо без вас.

– Всё будет хорошо. Закройте глаза и успокойтесь. Мы уже приехали.

Его качнуло, на минуту он увидел звёздное небо и тёмные кроны деревьев. Потом вспыхнул свет, и его уложили на каталку. Кто-то уверенно задрал на нём рубашку и прикоснулся к животу. Юра застонал.

– Достукался, – прорычал голос Чумакова, – Что там у него дома было, Зоя?

– День рождения. Жирная пища, острые приправы, алкоголь. Сами понимаете.

– Обожрался-таки, поросёнок! А ещё врач. Ладно, промывайте желудок – и в палату. Покапаем немножко – и на стол. Пока не загнулся.

– Привет, коллега! – над Юрой склонился Грачёв, живой, здоровый, будто с ним ничего не происходило, – Давненько не виделись. Назначения сам сделаешь, или мне доверишь?

– Обижаете, гражданин начальник. Куда мне...

– Ну-ну, держись, Петрович! И спасибо тебе за всё. Впрочем, об этом позже, позже.

– Не за что. О-ох! – его снова пронзила боль.

– Ты, прямо, как на смертном одре, – послышался насмешливый голос, и улыбающаяся физиономия Веселова появилась над ним, – Ещё завещание напиши. Так тебе и дали помереть. Наверняка камешек заклинило, так Вася живо его иссечёт. Готовься морально, Эйзенштейн!

– Эйзенштейн-то... при чём? Он ведь... кинорежиссёр.

– Это я так. Для проверки реакции на жизнь.

Каталка, лифт, операционная. Знакомые лица сестёр, Чумакова, Володьки, правда, с незнакомой Оленеву точки зрения – с операционного стола.

– Что за клиника – чудик на чудике: не успеет один из-

под аппарата вылезти, как другой туда лезет, – перед Юрой появился готовый к операции Чумаков, – Не дрейфь, Юрок! Пробьёмся. Заштопаю – лучше нового будешь. Ну, давай, благословясь, – кивнул он Веселову, и тот склонился над Юриной рукой со шприцем, не забыв при этом подмигнуть другу.

Юра услышал звон весенней капли, потолок над ним позеленел, чуть опустился, потом потемнел, превратился на миг в звёздное небо, затем резко погас, и пришла темнота.
– Поехали, – пробормотал он, погружаясь в сон.

Но вот в кромешной тьме вспыхнула яркая звезда... за ней другая, третья. Острые лучи их резали глаза, заливали светом весь мир. Когда глаза привыкли, Оленев осторожно открыл их и вместо ослепительного света увидел блестящую поверхность зеркала. Он прикоснулся к стеклу сначала пальцами, потом ладонями, затем прильнул обнажённым телом, оно поддалось, Юра шагнул в него и оказался на берегу реки, в далёком детстве –

Тринадцатилетним мальчиком в ковбойке и простых брючках.

Позванивала река, перемывая разноцветную гальку, Цветы чистотела глянцево светились в густой траве.

Карманы брюк оттопыривались камнями, окружающий мир был светел и юн. Мальчик шёл вдоль берега, выскивая

камешки. В воде они казались особенно красивыми.

– 73 –

Он чуть не наступил на камешек необычной формы, сделал шаг назад и поднял его.

– Интересно, что это такое? Минерал? Окаменелость? Надо покопаться.

– Я тебе покопаюсь! – услышал он голос, исходящий из камня.

Юра чуть не выронил камешек, но тут же крепко сжал его. В голове пронеслись знакомые звуки: голоса жены и дочери, старческое покашливание Ванюшки, стукоток респиратора, гул застолья, вой сирены «скорой помощи».

– Пинаться будешь, Ванюшка?

– В зависимости от контекста. Разожми пальцы, вундеркинд задрипанный!

Юра разжал руку, Ван Чхидра Асим протёк сквозь пальцы и, не успев упасть среди прочих камней, вырос в фигуру старца-Ванюшки. Поправил чёрный пиджак и торжественно изрёк:

– Ну, вот и всё, Юрий Петрович Оленев. Договор исполнен! Налажена связь времён. Ныне – отпускаю!

– Как? Разве я нашёл твою пропажу?

– То ли да, то ли нет. Возможно, что и это – тупиковый

ход. Но я рассчитал правильно. Ты и твои близкие сделали всё, чтобы найти моего брата. Один вопрос: родной ли это брат?

Однако, это уже мои личные проблемы. Но как похож! Близнец, да и только.

– Где же он? Я его не находил. Быть может, его нашла дочь? Жена? Отец? Кто?

– Все вы были искателями. А ты шёл впереди, обнюхивал все следы, замирал в стойке, распахивал глаза и выращивал, выращивал моего братца. И вот пришёл час Икс, все параллельные линии сошлись в одной точке: кулинарное искусство дочери, пряности жены и так далее. Известняк!

В раскрытой ладони Ванюшка держал бугристый, белесоватый, с розовыми оттенками, камешек – маленькую копию обнажённого человеческого мозга.

– Это он. Камень, извлечённый из твоего желчного пузыря – редчайшая разновидность подобных камней. Я искал тайну сотворения Вселенной, а нашёл всего лишь одну из тайн сотворения жизни на Земле. Это он не давал тебе покоя, рос, как младенец, в твоей утробе, а мой названный брат Чумаков извлёк его на свет.

– Странно. Даже глупо. Перелопачивать Пространство, завихрять Время, обладать способностью делать всё из ничего, сводить с ума столько людей всех времён и народов, походя сделать переворот в медицине.. и пошлейший камень в желчном пузыре как результат! Это же курам на смех! Фи-

лософский Камень в желчном пузыре!

– И курам. И тебе, петуху. Я же говорил, что жемчужные зёрна могут встретиться в навозной куче с некоторой долей вероятности!

– Сплошная чушь. Разве, что в басне или в сказках.

– 74 -

– Твоя дочка искала и в сказках. Ничто не случайно. Все века моей квазижизни я искал Истину, находил и тут же терял, ибо смысл её в том и состоит, чтобы не попадать в руки!

– Не есть ли это вечное движение, тот самый бесконечный путь вперёд? – вспомнил Юра, но Ванюшка не слышал его.

– Этот камень обладает невероятными свойствами, и его можно создать только ценой своей крови, а то и самой жизни. Но ты будешь жить! Я расторгаю Договор. Перед тобой две ветви Времени: остаться тринадцатилетним пацаном, пройти мимо меня и прожить жизнь иначе. Либо проснуться после операции, но утратить память обо мне и бесчисленные знания, что я тебе подарил.

– Две? Но почему ты лишаешь меня знаний? Разве я их не заработал?

– Ты нарушил Договор. Но, по-видимому, причинно-следственный механизм сдвинулся во Времени, развернул свою шестерёнки в сторону, которую выбрал ты. Всё-таки вы, люди, достаточно сильны в этой жизни!

– А Териак, Ребионит? Это тоже будет забыто?

– Пока это сон, мечта. Ищи его сам. Ты – Человек, тебе решать человеческие дела и судьбы.

– Дочка? Жена? Они... остаются?

– Не знаю. Время слишком ветвисто. Эту жену выбрал для тебя я. Но ты можешь искать. Человек, который не ищет – мёртв. Человек, который не сомневается в истинности избранного пути – полчеловека. Человек, не умеющий страдать и любить – всего лишь компьютер с убогой программой. Этому я научился у тебя, Юрик!

Ван Чхидра Асим бросил камешек через голову, и в то же мгновение из-за его спины вышел второй Ван Чхидра Асим, он же Ванюшка – точная копия первого.

– Выбирай! – сказали в два голоса старики.

– Это несправедливо, – с детской обидой сказал Юрик, – Всего два пути и каждый несправедлив. Я был твоим соавтором, орудием в твоих руках, твоим инкубатором. Я был частью твоей жизни. Дай мне возможность искать Истину с тобой ещё раз!

– Мальчик прав, – сказал близнец, – Дай ему третий путь!

– Хорошо. Я изменю точку отсчёта. Новый день рождается в полночь. И ты войдёшь в него. Я снова буду искать Истину, тайну родства всего живого во Вселенной. Я возведу тебя в ранг ученика. Так будет! А теперь ступай, Юрик! Нам пора.

– Но куда мне идти?

– Туда, где рождается новый день. К востоку от полночи.

– 75 -

Старики взялись за руки, затем слились в единое целое и взлетели над рекой, исчезли во внезапно наступившей ночи, яркой звездой вспыхнув среди выступающих созвездий.

Пришла полночь. А от неё вёл только один извечный путь – к рассвету, к востоку.

Туда и пошёл Юрий Оленев.

КОНЕЦ ФИЛЬМА